"Все, что угодно, лишь бы ночной кошмар не стал реальностью"

ЛАРС КЕПЛЕР

КОНТРАКТ ПАГАНИНИ

MASTERDETECTIVE

CORPUS

18+

НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
ЛЕГЕНДАРНОГО ЙОНЫ ЛИННЫ

Комиссар полиции Йона Линна

Ларс Кеплер

Контракт Паганини

«Corpus (АСТ)»
2010

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Кеплер Л.

Контракт Паганини / Л. Кеплер — «Corpus (АСТ)», 2010 — (Комиссар полиции Йона Линна)

ISBN 978-5-17-100329-6

Летней ночью на борту дорогой безлюдной яхты, дрейфующей в шхерах Стокгольма, находят утопленницу в сухой одежде. На следующий день в апартаментах в богатом районе Эстермальм умирает мужчина. Как ему удалось повеситься на ламповом крюке в абсолютно пустой комнате с очень высокими потолками, где не на что взобраться? И все-таки комиссар полиции уверен: это самоубийство. Стремительно раскручивается цепь мрачных событий. Странным образом они связаны со скрипкой, принадлежавшей великому Паганини, и губительным контрактом, осененным его именем. И напрасно двое влюбленных пытаются найти спасение на обманчиво приветливых островках среди фьордов – бесстрастный убийца, методично идущий по их следу, вездесущ и несокрушим, он движется к своей цели буквально по трупам. «Контракт Паганини» Ларса Кеплера – продолжение детективной серии, начало которой было положено «Гипнотизером». И в новом триллере жуткий клубок преступлений распутывает уже знакомый нам Йона Линна – уголовный комиссар с загадочным прошлым и неясным будущим, талантливый сыщик с внешностью киногероя и склонностью к меланхолии. Романы Ларса Кеплера стали бестселлерами во всем мире, они считаются эталоном скандинавского триллера. В частности, авторитетный журнал Time назвал «Гипнотизера» одной из десяти самых важных книг 2010 года в мире. Фильм режиссера Лассе Халльстрема «Гипнотизер» по одноименному роману выдвинут Шведской киноакадемией на премию «Оскар».

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-100329-6

© Кеплер Л., 2010
© Corpus (АСТ), 2010

Содержание

1	8
2	12
3	15
4	20
5	22
6	26
7	29
8	32
9	34
10	36
11	40
12	43
13	46
14	49
15	52
16	55
17	59
18	62
19	65
20	67
21	70
22	72
23	74
24	77
25	80
26	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ларс Кеплер
Контракт Паганини

Lars Kepler
Paganini-kontraktet
© Lars Kepler, 2010
First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm, Sweden Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Group Agency, Stockholm, Sweden and OKNO Literary Agency, Sweden
© Е. Тепляшина, перевод, 2012
© А. Бондаренко, оформление, 2012

Штиль. Большая прогулочная яхта дрейфует сквозь светлую ночь по заливу Святой Девы, у южных Стокгольмских шхер. У воды сонный серый цвет, она движется плавно, как туман.

Сидящий в лодке старик несколько раз окликает тех, кто на яхте, хотя уже понимает: ответа не будет. Он почти час наблюдал с берега, как медленное течение несет яхту вперед кормой.

Старик подводит лодку как можно ближе к яхте. Бросает якорь, пристает к кормовой платформе и по металлической лесенке взбирается на борт. Посреди кормы стоит розовый шезлонг. Какое-то время старик ждет, прислушиваясь. Ничего не услышав, он открывает застекленную дверь и спускается в салон. По обшивке из лакированного тика, по синему дивану разливается тусклый свет, проникающий в большие окна. По крутой лестнице с блестящими деревянными панелями, миновав темную кухоньку и ванную, старик спускается еще ниже и оказывается возле широкой кровати. Слабый свет, просачивающийся сквозь окошки под потолком, падает на двуспальное ложе с подушкой-валиком в изголовье. На кровати сидит молодая женщина в джинсовой куртке: ссутулилась, вяло привалилась к спинке, ноги широко разведены, одна рука покоится на розовой подушке. Женщина смотрит старику прямо в глаза, на ее лице – тревожное удивление.

Старик мгновенно понимает, что женщина мертва.

В ее длинных черных волосах – гребень в виде голубя, птицы мира.

Когда старик касается щеки мертвой женщины, ее голова запрокидывается и изо рта на подбородок вытекает тонкая струйка воды.

Слово «музыка» означает «искусство муз» и связано с греческим мифом о девяти музах. Все девять были дочерями бога Зевса и титаниды Мнемозины, богини памяти.

Музу поэзии и музыки, Эвтерпу, обычно изображают с двойной флейтой; имя богини значит «Увеселяющая».

У дара, называемого музыкальностью, нет общепринятого определения. Некоторые не способны уловить, как меняется частота звуковых колебаний, но есть люди с врожденной музыкальной памятью и абсолютным музыкальным слухом, благодаря которому они могут определить звук, не заглядывая в ноты.

Прошедшие века породили целую плеяду выдающихся музыкантов; иные обрели величайшую известность. Таковы Вольфганг Амадей Моцарт, который с шестилетнего возраста выступал при дворах европейских монархов, и Людвиг ван Бетховен, создававший шедевры даже после того, как его поразила глухота.

Легендарный Никколо Паганини, скрипач-самоучка и композитор, родился в 1782 году в итальянском городе Генуя. Даже в наше время лишь самые выдающиеся скрипачи способны справиться с темпом и сложностью произведений Паганини. До самой смерти Пага-

нини преследовали слухи о том, что за свой дар, за свою исключительную виртуозность он продал душу дьяволу.

1
Предчувствие

По спине побежали мурашки, сердце вдруг заколотилось. Пенелопа оглянулась через плечо. Ее словно бы охватило предчувствие – предчувствие того, чему суждено было случиться уже вечером этого дня.

В студии было тепло, однако щеки Пенелопы ощущали прохладу. Девушка все еще сидела в гримерной. К коже приложили холодную губку с тональным кремом, из волос вынули гребень в виде голубя, птицы мира. На волосы нанесли мусс – из кудрей следовало соорудить длинные локоны.

Наконец Пенелопу Фернандес, председателя Шведского общества мира и арбитража, бесшумно проводили в студию новостей. Пенелопа села под свет студийных прожекторов. Напротив нее оказался Понтус Сальман, генеральный директор акционерного общества «Силенсиа Дефенс», компании, производящей боеприпасы и оружие.

Ведущая, Стефани фон Сюдов, сменила тему; взглянув в камеру, она заговорила об увольнениях, последовавших после того, как британский оборонный концерн «Системз Лимитедз» купил акционерное общество «Буфорс», и повернулась к Пенелопе:

– Пенелопа, во время нескольких дебатов вы весьма критически высказались по поводу шведского экспорта оружия. Вы даже упомянули скандал «Анголагейт», который разразился во Франции. Нескольких высокопоставленных политиков и бизнесменов привлекли тогда к ответственности за взятки и контрабанду оружия и приговорили к длительным тюремным срокам… но ведь в Швеции такого не было?

– Этому может быть два объяснения, – начала Пенелопа. – Или наши политики действуют как-то иначе, или как-то иначе работает наша система правосудия.

– Вы отлично знаете, – сказал Сальман, – что в Швеции существует долгая традиция…

– Согласно шведским законам, – перебила Пенелопа, – согласно шведским законам производство и экспорт вооружения запрещены.

– Вы неправы, – заметил Сальман.

– Параграфы 3 и 6 закона «Об оружии», – уточнила Пенелопа.

– Но «Силенсиа Дефенс» получила предварительное разрешение, – улыбнулся Сальман.

– Да. Иначе бы речь пошла о колоссальных нарушениях в экспорте оружия…

– Но теперь у нас есть поддержка, – перебил Сальман.

– Не забудьте, для чего предназначено оружие…

Стефани остановила Пенелопу и кивнула Сальану – тот поднял руку, давая понять, что еще не закончил.

– Все сделки внимательнейшим образом проверяются, – пояснил он. – Либо правительством, либо Агентством по контролю за экспортом оружия, если вам таковое известно…

– Во Франции тоже есть аналогичные организации, – перебила Пенелопа. – И все же оружие и боеприпасы ценой в восемь миллиардов крон каким-то образом попали в Анголу – несмотря на эмбарго ООН, несмотря на абсолютный запрет…

– Мы сейчас говорим о Швеции.

– Я понимаю, что никому не хочется потерять работу. Но можно ли услышать, как вы объясните экспорт огромного количества оружия в Кению? Эта страна…

– Вам просто нечего возразить, – перебил Сальман, – абсолютно нечего. Или все же есть?..

– К сожалению, я…

– Вы можете сказать что-нибудь конкретное? – вмешалась Стефани фон Сюдов.

– Нет. – Пенелопа опустила глаза. – Но…

– Тогда я бы на вашем месте извинился, – сказал Сальман.

Пенелопа посмотрела ему в глаза. Почувствовала, как поднимаются в душе злость и раздражение, но пересилила себя и извинилась. Сальман обиженно улыбнулся и стал рассказывать о фабрике в Трольхеттане. Когда «Силенсиа Дефенс» получила разрешение начать производство, там было создано двести рабочих мест. Затем Сальман принялся объяснять, что такое предварительное разрешение. Он так неспешно распространялся об этом, что у его оппонента явно не оставалось времени для возражений.

Пенелопа слушала, пытаясь изгнать из сердца опасную гордыню. Она представляла себе, как они с Бьёрном совсем скоро поднимутся на борт его яхты. Будут спать в кровати с высоким валиком в изголовье – той, что стоит в носовой части судна, набьют едой холодильник и крошечный морозильник. Водка будет поблескивать в ледяных стопках, а они станут есть селедку – маринованную, с горчицей, и свежую картошку, а еще вареные яйца и хлебцы. Пришвартуются у островка в шхерах, накроют стол на корме и несколько часов просидят в лучах вечернего солнца.

* * *

Пенелопа Фернандес вышла из здания телестудии и двинулась в сторону Вальхаллавеген. Она почти два часа просидела на полукруглом диванчике в ожидании продолжения, после чего продюсер сообщил, что им пришлось отказаться от ее выступления: понадобилось освободить время для пяти советов, как быстро обзавестись к лету плоским животиком.

В парке Ердет виднелся большой разноцветный шатер «Сиркус Максимум». Служитель поливал двух слонов водой из шланга. Один слон поднял хобот, и тугая струя воды полилась ему прямо в рот.

Пенелопе было двадцать четыре года. Кудрявые черные волосы чуть ниже плеч. На шее поблескивала короткая серебряная цепочка с маленьким распятием – Пенелопа носила его со дня конфирмации. Золотисто-смуглая кожа. «Словно оливковое масло или мед», как выразился один мальчик, когда они в старших классах должны были описывать друг друга. Большие серьезные глаза. Пенелопе не раз приходилось слышать, что она поразительно похожа на Софи Лорен.

Пенелопа достала телефон и позвонила Бьёрну – сказать, что она уже идет, сядет сейчас в метро на «Карлаплан». Бьёрн озабоченно спросил:

– Пенни, что-нибудь случилось?

– Нет, а что?

– Я оставил запись у тебя на автоответчике. Все готово, не хватает только тебя.

– Но ведь мы не спешим?

Когда длинный крутой эскалатор потащил Пенелопу вниз, на платформу метро, ее сердце забилось быстрее от смутно-тревожного чувства, и она прикрыла глаза. Лестница уходила вниз, сужалась, воздух становился все холоднее.

Пенелопа Фернандес родилась в Ла Либертаде – одном из самых больших департаментов Сальвадора. Мать Пенелопы, Клаудия Фернандес, во время гражданской войны попала в тюрьму, и Пенелопа родилась в камере, где пятнадцать арестанток, как могли, помогали ее матери. Клаудия была врачом и активисткой кампании за народное просвещение. Она пыталась распространить профсоюзное право на представителей коренного населения и потому оказалась в тюрьме.

Пенелопа открыла глаза, только когда нужно было ступить с эскалатора на платформу. Чувство, что ее изолировали от прочих людей, исчезло. Она снова подумала о Бьёрне, который ждал ее возле клуба моторных лодок на острове Лонгхольмен. Пенелопа любила нырять голой с его яхты – окунаться в воду и видеть перед собой только море и небо.

Поезд, раскачиваясь, мчался вперед, солнце ударило в окна, когда вагоны вырвались из туннеля и подкатили к станции «Гамла Стан».

Пенелопа Фернандес ненавидела войну, насилие и оружие. Именно эта жгучая ненависть заставила ее сдать экзамен на степень магистра политологии в Упсале и заняться вопросами мира и конфликтов. Она работала в группе французских добровольцев «Аксьон Контр ля Фем»[1] в Дарфуре вместе с Джейн Одуйя. Писала в «Дагенс Нюхетер»[2] обращавшие на себя внимание статьи о женщинах-беженках и об их попытках наладить будничную жизнь после очередного акта насилия. Два года назад Пенелопа сменила Фриду Блум на посту председателя Шведского общества мира и арбитража.

На станции «Хорнстулл» Пенелопа вышла из метро на солнечный свет. Внезапно она вновь почувствовала необъяснимую тревогу и побежала вниз по склону Польсундбакен, к набережной Сёдер Мелярстранд; быстро перейдя по мосту на Лонгхольмен, она свернула налево, к гавани, где швартовались небольшие суда. В безветренном воздухе пыль от гравия висела как туман.

Яхта Бьёрна стояла в тени, прямо под мостом Вестербрун. Солнечные блики, отражаясь от воды, рисовали на стальных балках моста пляшущий сетчатый узор.

На корме Пенелопа увидела Бьёрна в ковбойской шляпе. Он стоял неподвижно, ссутулившись, обхватив плечи руками.

Пенелопа сунула два пальца в рот и свистнула. Бьёрн дернулся, и на его лице отразился смертельный испуг. Он глянул на дорогу и увидел Пенелопу. Когда он подходил к трапу, глаза у него были все еще встревоженные.

– Что случилось? – спросила она, спускаясь к лодкам.

– Ничего. – Бьёрн поправил шляпу и попытался улыбнуться.

Они обнялись, и Пенелопа почувствовала, что руки у него ледяные, а рубашка на спине промокла.

– Ты весь вспотел, – сказала она.

Бьёрн опустил глаза:

– Волновался из-за отплытия.

– Ты захватил мою сумку?

Он махнул в сторону каюты. Палуба чуть гудела под ногами. Пенелопа ощущала запах нагретого солнцем пластика и лакированного дерева.

– Э-эй! – позвала Пенелопа. – Где витаешь?

Соломенные волосы Бьёрна были заплетены в спутанные дреды и торчали во все стороны. По-детски ясные синие глаза уже улыбались.

– Я тут, – ответил он и опустил взгляд.

– О чем ты все время думаешь?

– О том, что мы будем вместе. – Бьёрн обнял ее за талию. – О сексе на природе.

Он провел губами по ее волосам.

– Так ты на это надеешься? – прошептала Пенелопа.

– Да.

Пенелопу рассмешила его прямота.

– Очень многие… женщины, по крайней мере, считают, что секс на природе малость переоценен, – сообщила она. – Лежишь на земле среди муравьев, камней…

– Это все равно что купаться голышом, – не сдавался Бьёрн.

– Ну-ка попробуй меня переубедить, – подзадорила Пенелопа.

---

[1] «Действие против голода», французская гуманитарная организация *(все примечания к тексту сделаны переводчиком и редактором).*

[2] «Новости дня», шведская ежедневная газета либеральной направленности, основанная в 1864 г.

– И попробую!

– Это каким же образом, интересно? – рассмеялась она, и в этот момент в ее сумке зазвонил телефон.

Бьёрн словно окаменел, его лицо побелело. Пенелопа взглянула на экранчик: звонила ее младшая сестра.

– Это Виола, – пояснила она Бьёрну, а потом сказала в трубку: – Привет, сестричка.

В трубке загудела машина, Виола крикнула на кого-то, а потом буркнула уже в микрофон:

– Идиот.

– Что там у тебя?

– Все кончено, – ответила сестра. – Я бросила Сергея.

– Опять, значит… – прокомментировала Пенелопа. Виола тихо согласилась:

– Да.

– Прости, – повинилась Пенелопа. – Тебе грустно, я понимаю.

– Все не так страшно… Слушай, мама говорила, вы собираетесь в шхеры на яхте, вот я и подумала… я бы с удовольствием присоединилась к вам… если можно.

Сестры помолчали.

– Присоединилась… – повторила Пенелопа без особого воодушевления. – Вообще-то мы с Бьёрном хотели немного побыть вдвоем, но…

2
Преследователь

Пенелопа в воздушном голубом саронге и белом бикини стояла у руля. Через окошко в потолке на нее лилось летнее солнце. Пенелопа осторожно обогнула маяк в Кунгсхамне, потом обогнала большую моторную лодку.

Сестра поднялась с розового шезлонга, стоявшего на корме. Весь последний час она провела сидя в ковбойской шляпе Бьёрна и огромных зеркальных очках и куря травку, сигарету с которой подносила к губам медлительно и сонно.

Виола сделала пять ленивых попыток подцепить с пола пальцами ноги коробок спичек, но потом сдалась. Пенелопа не смогла удержаться от улыбки. Сестра открыла стеклянную дверь салона и спросила, не сменить ли Пенелопу.

– Если не надо, то я спущусь и сделаю «маргариту», – сказала она и пошла вниз по лестнице.

На палубе на купальной простыне растянулся Бьёрн. Карманное издание «Метаморфоз» Овидия он пристроил под голову вместо подушки.

Пенелопа заметила, что основание поручней проржавело. Яхту Бьёрн получил от отца на двадцатилетие, но у него не было средств содержать ее. Большая прогулочная яхта была единственным отцовским подарком, не считая путешествия. Когда отцу Бьёрна исполнилось сорок, он пригласил Бьёрна с Пенелопой в один из своих шикарных отелей, «Камайя Ресорт», на восточном побережье Кении. Пенелопа высидела в отеле всего два дня, а потом отправилась в лагерь беженцев в дарфурском Куббуме в Южном Судане, где находилась группа французских добровольцев «Аксьон Контр ля Фем».

Яхта подошла к мосту через Скюрусунд, и Пенелопа сбросила скорость с восьми до пяти узлов. По мосту плотным потоком шли машины, но до Пенелопы не долетало ни звука. Когда судно скользнуло в тень под мостом, Пенелопа увидела возле его бетонного основания черную надувную лодку. Она была похожа на лодку с военного корабля. *RHIB*[3] с фибергласовым каркасом и мощными моторами.

Яхта уже выходила из-под моста, когда Пенелопа заметила, что в лодке кто-то есть. Какой-то мужчина сгорбился в густой тени, повернувшись спиной к яхте. Пенелопа не поняла, почему при случайном взгляде на этого человека у нее участился пульс. Что-то было в его затылке и черной одежде. Пенелопа почувствовала себя так, словно за ней следят, хотя человек и сидел отвернувшись.

Когда Пенелопа снова оказалась под ярким солнцем, она была покрыта гусиной кожей, а по рукам еще долго бегали мурашки.

Проходя мимо района Дувнес, она прибавила скорость до пятнадцати узлов. Оба мотора грохотали, винты взбивали пену, яхта летела вперед по гладкой воде.

Зажужжал телефон; на дисплее высветился номер матери. Наверное, она посмотрела дебаты по телевизору. У Пенелопы мелькнула мысль: мать звонит, чтобы сказать, что она держалась отлично. Несбыточные мечты.

– Привет, мама.

– …вет, – прошелестела в ответ мать.

– Что случилось?

– Спина… мне нужно к мануальному терапевту. – Судя по звуку, Клаудия налила в стакан воды из-под крана. – Я только хотела спросить, говорила ли с тобой Виола.

---

[3] *Rigid-hulled Inflatable Boat*, надувная шлюпка с жестким каркасом.

– Она со мной на яхте. – Пенелопа услышала, как мать пьет воду.

– Она с тобой, как славно… Я подумала, что ей это будет полезно.

– Конечно, полезно, – уныло согласилась Пенелопа.

– Что вы будете есть?

– Вечером – маринованную селедку, картошку, яйца…

– Она не любит селедку.

– Мама, Виола позвонила и…

– Я знаю, ты не рассчитывала, что она поедет с вами, – перебила Клаудия. – Поэтому и спрашиваю.

– Я приготовила тефтели, – терпеливо сказала Пенелопа.

– А их хватит на всех?

– На всех? Ну, если…

Пенелопа замолчала, глядя на сверкающую воду. Потом скрепя сердце сказала:

– Я могу отказаться от своей порции.

– Только если вам всем не хватит. Я это имела в виду.

– Понятно.

– Тебя нужно пожалеть? – В голосе матери звучало сдерживаемое раздражение.

– Мама… Виола уже взрослая, и…

– Ты меня разочаровываешь.

– Извини.

– Ты приходишь ко мне на тефтели в Рождество и летом на Мидсоммар[4]…

– Могу не приходить.

– Вот и ладно, – резко сказала мать. – Договорились.

– Я только хотела сказать, что…

– Не приходи на Мидсоммар, – сердито оборвала Клаудия.

– Мама, почему?..

В трубке щелкнуло – мать положила трубку. Пенелопа замолчала. Она ощутила, как внутри все дрожит от обиды, посмотрела на телефон и выключила его.

Яхта медленно плыла по воде, зеленой от отражавшихся в ней зеленых холмов. Дверь кухоньки заскрипела, и через мгновение оттуда, покачиваясь, вышла Виола с бокалом «маргариты» в руке.

– Мама звонила?

– Да.

– Боится, что я останусь голодной? – улыбнулась Виола.

– Не останешься.

– Мама не верит, что я самостоятельный человек.

– Она просто волнуется.

– За тебя она что-то не волнуется, – заметила сестра.

– Ну, что со мной может случиться?..

Виола отпила из бокала и взглянула в окно. Потом сказала:

– Я смотрела дебаты по телевизору.

– Утром? С Понтусом Сальманом?

– Нет, которые были… на прошлой неделе. Ты разговаривала с каким-то спесивым типом… у него еще такая благородная фамилия…

– Пальмкруна.

– Точно, Пальмкруна…

---

[4] «Середина лета» *(швед.)* – Иванов день, летнее солнцестояние. Отмечается в Швеции очень широко, празднуется в пятницу между 19 и 25 июня.

– Я тогда разозлилась, покраснела и чуть не заплакала. Хотелось запеть «Мастеров войны» Дилана или выскочить и хлопнуть дверью.

Виола посмотрела, как Пенелопа тянется, чтобы открыть окошко в потолке.

– Не думала, что ты бреешь подмышки, – беспечно заметила она.

– Я же часто бываю на телевидении…

– Тщеславие наносит удар? – поддразнила Виола.

– Не хочу, чтобы меня записали в занудные «синие чулки» из-за нескольких волосков под мышками.

– А как насчет линии бикини?

– А вот так…

И Пенелопа приподняла саронг. Виола захохотала.

– Бьёрну нравится, – улыбнулась Пенелопа.

– С его-то дредами пусть вообще помалкивает.

– Зато ты-то уж бреешься во всех местах, – съязвила Пенелопа. – Ради своих женатых мужиков и качков-придурков…

– Я знаю, я безмозглая, – перебила Виола. – И никогда ничего не делала как следует.

– Тебе надо было только исправить оценки…

Виола повела плечами:

– Я недавно сдавала вступительные…

Яхта плавно резала прозрачную воду, за ней неслись чайки.

– Ну и как? – спросила наконец Пенелопа.

– По-моему, было нетрудно, – сказала Виола и слизнула соль с ободка бокала.

– Значит, все хорошо?

Виола кивнула и отставила бокал.

– Насколько хорошо? – Пенелопа толкнула сестру в бок.

– Высший балл, – сообщила Виола, скромно потупившись.

Пенелопа завопила от радости и крепко обняла сестру.

– Ты понимаешь, что это значит?! – возбужденно кричала она. – Ты сможешь учиться где хочешь, в любом университете – выбирай хоть школу экономики, хоть медицинский, хоть журналистику!..

Сестра, покраснев, рассмеялась, и Пенелопа снова кинулась обнимать ее, так что та потеряла шляпу. Старшая гладила младшую по голове, поправляя ей волосы – как в детстве, а потом вынула из собственной прически гребень с голубем мира и воткнула его в волосы сестре. Посмотрела на нее и радостно улыбнулась.

3
Залив Святой Девы

Судно летело вперед, с громким плеском вспарывая гладкую поверхность залива. Большие медленные волны с шелестом набегали на берег. Яхта круто повернула, волны ударили в борта, полетели брызги. Пенелопа правила в пролив между шхерами. Нос судна поднялся, за кормой тянулись две полосы белой пены.

– Ты что, дура? – Виола выдернула гребень из волос. Совсем как в детстве, именно в тот момент, когда прическа была уже готова.

Бьёрн проснулся, когда они остановились возле острова Госё. Купили мороженое и взяли по чашке кофе. Виола захотела сыграть в мини-гольф на маленьком поле, так что отплыли они уже ближе к вечеру.

По левую руку расстилался залив – словно головокружительно огромный, бесконечный каменный пол.

Компания собиралась пристать к Кастшеру – длинному и пустынному, с тонким перешейком маленькому островку в шхерах. С южной его стороны зеленел залив, где можно было бросить якорь, искупаться, поджарить что-нибудь на ужин и заночевать.

– Спущусь, посплю немного, – сказала Виола зевая.

– Иди, – улыбнулась Пенелопа.

Виола ушла вниз, в каюту. Пенелопа, внимательно глядя вперед, сбросила скорость; на подходе к Кастшеру она не отрывала взгляд от электронного буйка, предупреждавшего о подводных мелях. Яхта быстро приближалась к мелководью, до него оставалось метров сорок.

В рулевую рубку вошел Бьёрн. Он поцеловал Пенелопу в шею и спросил:

– Я начну накрывать?

– Виоле нужно бы вздремнуть часок.

– Ты сейчас говоришь как твоя мать, – мягко заметил он. – Она уже звонила?

– Да.

– Чтобы проверить, с нами ли Виола?

– Да.

– Поругались?

Пенелопа покачала головой.

– Что с тобой? Плохое настроение?

– Нет. Это из-за того, что мама…

– Что мама?

Пенелопа с улыбкой вытерла слезы и призналась:

– Она не хочет, чтобы я приходила к ней на Мидсоммар.

Бьёрн обнял ее.

– Наплюй!

– Да я и наплевала.

Медленно-медленно Пенелопа вела яхту по заливу. Глухо грохотал мотор. Судно шло так близко к берегу, что Пенелопа чувствовала запах травы и деревьев.

Девушка бросила якорь, и яхта медленно подплыла к скалистому берегу. Бьёрн, взяв конец каната, спрыгнул на крутой склон и обмотал его вокруг ствола дерева.

Земля была покрыта мохом. Бьёрн посмотрел на Пенелопу. Заслышав скрежет якорной цепи, какие-то птицы шумно завозились в кронах деревьев.

Пенелопа натянула спортивные штаны, надела белые кроссовки и, опираясь на руку Бьёрна, спрыгнула на землю. Бьёрн обнял ее.

– Пойдем смотреть остров?

– Кажется, ты собирался меня в чем-то убедить… – протянула Пенелопа.

– В преимуществах всеобщего права на доступ к природным угодьям.

Она с улыбкой кивнула. Бьёрн отвел волосы с ее лица, скользнул пальцем по выступающим скулам и густым широким бровям.

– Ну почему ты такая красивая?

Он легонько поцеловал ее в губы и потянул за собой в лесок.

Посреди острова отыскалась полянка – вся в кочках, поросших высокой травой. Над цветами летали бабочки и шмели. Солнце пекло вовсю, между деревьями на северной стороне острова поблескивала вода. Пенелопа с Бьёрном постояли, раздумывая, оставаться здесь или идти дальше, улыбнулись друг другу; потом оба посерьезнели.

– А вдруг кто-нибудь сюда забредет? – спросила Пенелопа.

– Здесь никого нет, кроме нас.

– Уверен?

– Сколько островов в Стокгольмских шхерах? Три тысячи? Наверняка больше.

Пенелопа сняла лифчик, сбросила кроссовки, стащила трусики вместе со штанами и вдруг оказалась в траве совершенно голой. Неловкость почти сразу сменилась ощущением чистой радости. Она подумала: как это возбуждает, когда кожу овевает морской ветер, а тело чувствует идущее от земли тепло.

Бьёрн пробормотал, что он не сексист, но ему хочется смотреть и смотреть на нее. Высокая женщина с мускулистыми, но гладкими руками, узкой талией и полными бедрами походила на любвеобильную античную богиню.

Трясущимися руками Бьёрн стащил футболку и купальные шорты в цветочек. Он был моложе Пенелопы – безволосое мальчишеское тело, загорелые плечи.

– А теперь я хочу посмотреть на тебя, – сказала Пенелопа.

Он покраснел и шагнул к ней, широко улыбаясь.

– Нельзя?

Бьёрн покачал головой, зарылся лицом в ее волосы.

Они начали целоваться – просто стояли, тесно прижавшись друг к другу, и целовались. Пенелопа ощутила его теплый язык у себя во рту, и внутри все задрожало от счастья. Она согнала с лица широкую улыбку, которая мешала целоваться. Оба задышали чаще. Пенелопа почувствовала, как напрягся Бьёрн, как гулко бьется его сердце. Они, нетерпеливые, упали в траву, нашли место между кочками. Бьёрн скользнул губами по ее груди, по коричневым соскам, поцеловал живот, раздвинул бедра…

Юноша подумал, что их тела словно бы светятся изнутри в лучах вечернего солнца. Все вдруг стало невероятно близким и хрупко-нежным. Влагалище Пенелопы уже увлажнилось и набухло, когда он начал лизать его, осторожно и медленно; вскоре ей пришлось оттолкнуть его голову. Пенелопа свела ноги вместе и улыбнулась; под глазами у нее легли красноватые тени. Она прошептала «Давай», прижала его к себе, руками направила пенис и позволила ему скользнуть в нее. Бьёрн тяжело задышал ей в ухо, и Пенелопа перевела взгляд на розовеющее небо.

Потом она постояла голая среди теплой травы, потянулась, сделала несколько шагов и пристально посмотрела на деревья.

– Что там? – низким голосом спросил Бьёрн. Он сидел на земле голый и улыбался Пенелопе.

– У тебя плечи обгорели.

– Они каждое лето обгорают.

Он осторожно провел рукой по красной коже у себя на лопатках.

– Возвращаемся, есть хочется, – сказала Пенелопа.

– Я только немножко поплаваю.

Она снова натянула трусы и штаны, надела кроссовки и помедлила с лифчиком в руке. Скользнула взглядом по безволосому торсу Бьёрна, по его мускулистым рукам, татуировке на плече – и улыбнулась этому взъерошенному, одновременно загорелому и белокожему, беззаботному парню:

– В следующий раз снизу будешь ты.

– В следующий раз! – с энтузиазмом повторил он. – Ага, подсела, так я и знал!

Пенелопа, смеясь, отмахнулась от него. Бьёрн с улыбкой лег на спину и стал смотреть в небо. Идя через лесок к узкой полоске песка у воды, где стояла на якоре яхта, Пенелопа слышала, как он насвистывает.

Прежде чем спуститься к яхте, Пенелопа остановилась и надела лифчик.

Интересно, неужели Виола еще спит? Поколебавшись, Пенелопа все же решила, что сестра поставила вариться картошку с двумя-тремя веточками петрушки, и отправилась помыться и переодеться. Странно только, что доски на корме мокрые, как после дождя. Виола, наверное, зачем-то помыла палубу. На яхте вообще как будто что-то изменилось. Пенелопа не могла сказать, почему ей так кажется, но от неприятного чувства по коже у нее побежали мурашки. Кругом было тихо, птицы уже перестали петь. Слышался только плеск воды, да канат с глухим поскрипыванием терся о дерево. Пенелопа вдруг начала осознавать каждое свое движение. Она спустилась по лестнице на корму и увидела, что дверь в гостевую каюту открыта. Свет там горел, но Виолы не было. Пенелопа дрожащей рукой постучала в дверь маленького туалета. Заглянула туда, снова вернулась на корму. Посмотрела на берег и увидела, что Бьёрн шагает к воде. Пенелопа помахала ему, но он не заметил.

Пенелопа открыла стеклянную дверь салона, прошла мимо синих диванчиков, тикового столика и рулевого колеса.

– Виола? – тихо позвала она.

Затем девушка спустилась в кухню, взяла было кастрюлю, но тут же отставила ее: так сильно забилось сердце. Заглянула в просторную ванную, прошла в носовую часть, где они с Бьёрном обычно спали. Открыла дверь, взглянула на стоящую в полутьме кровать и сначала подумала, что видит себя в зеркале.

Виола неподвижно сидела на краю кровати, ее рука покоилась на розовой подушке-валике.

– Что ты здесь делаешь?

Слушая себя как бы со стороны, Пенелопа вдруг осознала: что-то не так. У Виолы было грязно-белое мокрое лицо, влажные волосы висели сосульками.

Пенелопа шагнула к сестре, обхватила ее лицо, тихо заскулила, а потом крикнула:

– Виола! Виола, что с тобой?!

Но она уже все поняла. Сестра не дышала, ее кожа не излучала тепло, от Виолы ничего не осталось. Свечу задуло. Тесная каюта потемнела, сомкнулась вокруг Пенелопы. Пенелопа громко, не своим голосом, застонала, спотыкаясь, попятилась, порвала одежду, больно ударилась плечом о дверной косяк, повернулась и бросилась вверх по лестнице.

Оказавшись снова на палубе, Пенелопа перевела дыхание, словно только что едва не задохнулась. Она откашлялась и огляделась, холодея от ужаса. В сотне метров, на берегу, она увидела незнакомца в черном. Каким-то образом Пенелопа свела все воедино. Именно этот человек притаился в тени под мостом в военной надувной лодке – он еще отвернулся, когда они проходили мимо. Именно он убил Виолу – и на этом не остановится.

Незнакомец стоял на песке и махал Бьёрну, который плавал метрах в двадцати от берега. Он что-то кричал и поднимал обе руки. Бьёрн услышал его, встал в воде и зашарил взглядом по берегу.

Время как будто замерло. Пенелопа бросилась к рулю, опрокинула ящик с инструментами, схватила нож и бросилась на корму.

Она увидела, как Бьёрн медленно плывет, как по обе стороны от него струится вода. Бьёрн удивленно смотрел на человека в черном. Незнакомец махал ему, подзывая к себе. Бьёрн неуверенно улыбнулся и поплыл к берегу.

– Бьёрн! – закричала Пенелопа что было сил. – Уплывай оттуда!

Человек на берегу повернулся к ней. Потом побежал к яхте. Пенелопа перерезала канат, поскользнулась на мокрых досках палубы, вскочила, спотыкаясь, бросилась к штурвалу и завела мотор. Не оглядываясь, подняла якорь и тут же дала задний ход.

Бьёрн, должно быть, услышал ее – он развернулся и поплыл к яхте. Пенелопа направила судно ему навстречу и тут же заметила, что человек в черном теперь бежит вверх по склону на другую сторону острова. Пенелопа мгновенно сообразила: незнакомец оставил свою черную лодку с северной стороны.

И обогнуть ее – невозможно.

Мотор гудел; Пенелопа развернула яхту навстречу Бьёрну. Окликнула его, приблизилась, замедлила ход и протянула багор. Вода уже стала холодной. У Бьёрна был испуганный, измученный вид, голова то и дело исчезала под водой. Пенелопа больно задела его острием багра, по лбу потек ручек крови.

– Хватайся! – крикнула она.

Резиновая лодка уже огибала остров, Пенелопа ясно слышала звук мотора. Бьёрн скривился от боли. После нескольких попыток он наконец вцепился в багор. Пенелопа торопливо потащила его к кормовой платформе. Бьёрн ухватился за ее край. Пенелопа выпустила багор и увидела, как тот исчезает в воде.

– Виолу убили! – крикнула она, слыша в своем голосе отчаяние и панику.

Едва Бьёрн вскарабкался на ступеньку, Пенелопа кинулась к рулю и дала полную скорость.

Бьёрн перевалился через поручень и крикнул Пенелопе, чтобы она держала курс прямо на Орнес[5].

Быстроходная лодка ревела где-то совсем близко.

Пенелопа резко развернула судно, под винтом загудело.

– Он убил Виолу, – расплакалась она.

– Впереди скалы, – предупредил Бьёрн, лязгая зубами.

Резиновая лодка обогнула Кастшер и, увеличив скорость, понеслась по гладкой воде.

По лицу Бьёрна текла кровь.

Они быстро приближались к большому острову. Бьёрн повернулся и увидел, что надувная лодка метрах в трехстах от них.

– Давай к причалу!

Пенелопа развернула яхту, задев кормой о причал, и заглушила мотор, когда нос со стуком ткнулся в бревна. Яхта всем бортом проскребла по влажному дереву.

Волны с шипением нахлынули на берег и откатились. Яхта завалилась набок, ступени причала разнесло в щепки. Вода переливалась через поручни. Пенелопа и Бьёрн бросились бежать. Позади на волнах покачивалась, ударяясь о причал, разбитая яхта. Быстроходная лодка с ревом приближалась. Пенелопа споткнулась, коснулась рукой земли и, задыхаясь, начала карабкаться на крутой берег, к поляне. Мотор надувной лодки замолчал где-то внизу,

[5] Община на берегу озера Эшён.

и Пенелопа вдруг сообразила, что не знает, куда бежать. Они с Бьёрном кинулись к деревьям, углубляясь в лес; мысли Пенелопы метались в панике, а взгляд искал место, где можно было бы спрятаться.

4
Висящий

Параграф 21 Закона о полиции описывает, как именно полицейский должен входить в дом, комнату или иное помещение, если есть основания полагать, что там находится человек, который скончался, потерял сознание или же по какой-то причине не в состоянии позвать на помощь.

В ту июньскую субботу патрульный полицейский Йон Бенгтссон получил задание обследовать квартиру на верхнем этаже дома номер два по улице Гревгатан, где проживал генеральный директор Агентства по контролю за экспортом оружия Карл Пальмкруна, и выяснить, почему последний отсутствовал на рабочем месте и не явился на встречу с министром иностранных дел.

Не в первый раз Бенгтссон входил в жилище, чтобы обнаружить там убитого или раненого. В большинстве случаев полицию вызывали родственники, заподозрившие самоубийство. Притихшие, объятые страхом родители, которым приходилось ждать на лестнице, пока он обследовал комнату. Иногда он находил молодых людей, у которых едва прослушивался пульс после передозировки героина, а иногда обнаруживал женщин, забитых до смерти прямо в гостиной, перед телевизором.

Когда Бенгтссон входил в подъезд, при себе у него были набор для вскрытия замков и пистолет-отмычка. Он поднялся на лифте на пятый этаж и позвонил в дверь. Немного подождав, он поставил тяжелую сумку на пол и попробовал замок металлической двери. Вдруг он услышал шарканье на лестничной клетке этажом ниже. Кто-то спускался – тихо, почти крадучись. Бенгтссон какое-то время прислушивался, а потом нажал на дверную ручку. Дверь оказалась незапертой, ее колесики мягко прокатились по всем четырем рельсам.

– Есть кто дома? – крикнул полицейский.

Он немного повременил, затем втащил сумку в квартиру, закрыл за собой дверь, вытер ноги о коврик и шагнул в глубь просторной прихожей.

Из соседней комнаты доносилась тихая музыка. Бенгтссон постучал и вошел. Он оказался в небольшой, по-спартански обставленной гостиной: три мальмстеновских дивана[6], низенький стеклянный столик и небольшое изображение парусника в штормящем море. Плоский прозрачный музыкальный центр испускал голубоватое свечение. Из колонок лилась печальная, удивительная скрипичная музыка.

Бенгтссон прошел через всю комнату, открыл двойные двери и заглянул в салон с высокими окнами в стиле модерн. Летнее солнце проникало в помещение через их верхние секции.

Посреди белой комнаты висел человек.

Картина была совершенно сверхъестественная.

Йон стоял и смотрел на мертвеца. Прошла целая вечность, прежде чем полицейский заметил бельевую веревку, привязанную к крюку от люстры.

Хорошо одетый мужчина висел неподвижно, словно высоко подпрыгнул, да так и застыл. Вытянутые запястья опущены, носки ботинок смотрят в пол.

Мужчина свисал с потолка… да, но тут крылось что-то еще. Что-то, что не укладывалось в общую картину, было неправильным.

[6] Карл Мальмстен – известнейший шведский дизайнер мебели прошлого века.

Бенгтссон не имел права переступать порог – на месте преступления ничего нельзя трогать. Его сердце быстро забилось; в ушах загудело, стало трудно глотать, но он не мог оторвать взгляда от мужчины, висевшего в пустой комнате.

В голове Бенгтссона, словно кто-то нашептывал ему, зазвучало имя: «Йона. Надо поговорить с Йоной Линной».

Комната была пустой, не считая повешенного. Вне всякого сомнения, это и есть Карл Пальмкруна, генеральный директор Агентства по контролю за экспортом оружия.

Веревка, привязанная к крюку, торчащему посреди потолочной розетки.

Бенгтссон подумал, что ему не по чему было залезть. Высота потолка – метра три с половиной, не меньше.

Бенгтссон попытался успокоиться, собраться с мыслями и зафиксировать все, что видит. Лицо повешенного побледнело, как размокший сахар, и Бенгтссону показалось, что он замечает роковые следы точечного кровотечения в вылезших из орбит глазах. Мужчина был одет в легкий плащ и светло-серый костюм с галстуком, на ногах – ботинки. Черный чемоданчик и мобильный телефон лежали на паркете рядом с лужей мочи, прямо под трупом.

Внезапно повешенный дернулся.

У Бенгтссона перехватило дыхание.

На потолке что-то громыхнуло, с чердака послышался удар молотка. Наверху кто-то ходил; снова раздался грохот, и тело Пальмкруны дрогнуло. Дрель заработала, потом замолчала. Кто-то что-то поднял, крикнул: «Мне нужен еще провод! Удлинитель давай!»

Бенгтссон пошел назад, чувствуя, как выравнивается пульс. Дверь в прихожую была открыта. Бенгтссон немного постоял, размышляя, уверенный, что закрывал ее, однако решил все же, что мог ошибиться. Полицейский вышел из квартиры; прежде чем связаться со своим участком, он достал мобильник и позвонил Йоне Линне из уголовной полиции.

5
Государственная комиссия по расследованию убийств

Шла первая неделя июня. Уже почти месяц жители Стокгольма просыпались по утрам раньше обычного. Солнце всходило в половине четвертого, и почти круглые сутки было светло. Поздняя весна выдалась необычайно теплой. Черемуха и сирень распустились одновременно. Аромат от тяжелых соцветий плыл от парка Кронебергспарк до самого входа в полицейское управление.

Государственная уголовная полиция – единственный полицейский орган Швеции, служащие которого могут расследовать тяжкие преступления и в самой стране, и за ее пределами.

Шеф уголовной полиции, Карлос Элиассон, стоял у невысокого окна на восьмом этаже; из окна открывался вид на крутые склоны Кронебергспарка. Элиассон взял телефон, набрал номер Йоны Линны, в очередной раз услышал сигнал голосовой почты, положил трубку на стол и взглянул на часы.

В кабинет Карлоса вошел Петтер Неслунд; он осторожно кашлянул и привалился к плакату «Бдим. Предотвращаем. Раздражаем».

Из соседней комнаты доносился усталый голос. Телефонный разговор вертелся вокруг европейского ордера на арест и Шенгенской информационной системы.

– Поллок со своими ребятами скоро будет, – сказал Петтер.

– У меня есть часы, – миролюбиво отозвался Карлос.

– Бутерброды во всяком случае готовы.

Карлос выдавил из себя улыбку и спросил:

– Ты слышал, что в Комиссию по расследованию убийств сейчас набирают людей?

Петтер покраснел и опустил глаза, но быстро овладел собой и снова взглянул на Карлоса:

– Я бы… У тебя есть кандидатура получше?

Государственная комиссия по расследованию убийств состояла из пяти экспертов, которые оказывали помощь в расследовании преступлений по всей стране. Комиссия работала по системе, обозначенной аббревиатурой ПРТП – полицейское расследование тяжких преступлений.

Нагрузка на постоянных членов Комиссии по расследованию убийств была чудовищной. Их буквально рвали на части, и им очень редко удавалось собраться вместе в полицейском управлении.

Когда Неслунд ушел, Карлос уселся на стул и принялся рассматривать парадизок в аквариуме. В тот момент, когда он потянулся к банке с кормом, зазвонил телефон.

– Слушаю!

– Поднимаются, – доложил с поста дежурного Магнус.

– Спасибо.

Карлос сделал последнюю попытку связаться с Йоной Линной; потом встал со стула, глянул на себя в зеркало и пошел к двери. Когда он выходил из кабинета, раздался мелодичный звон, и двери лифта бесшумно разъехались. Карлос взглянул на членов Комиссии, и в памяти тут же всплыл концерт «Роллинг Стоунз», на который он пару лет назад ходил с двумя-тремя коллегами. Музыканты напоминали бизнесменов на отдыхе. На всех были темные костюмы с галстуками – точь-в-точь как на членах Государственной комиссии по расследованию убийств.

Первым шел Натан Поллок – седые волосы стянуты в хвост; за ним следовал Эрик Эрикссон в солнечных очках со стразами. Из-за этих очков его прозвали Элтоном. Затем плелись Никлас Дент с П. Г. Бондессоном; замыкал же шествие техник-криминалист Томми Кофоэд. Он был чем-то недоволен и сутулился, уставившись в пол.

Карлос жестом пригласил их в комнату для совещаний. Оперативный шеф Бенни Рубин уже сидел за круглым столом с чашкой черного кофе в руке и ждал их. Томми Кофоэд взял из вазы яблоко и с громким хрустом вгрызся в него. Поллок с улыбкой поглядел на коллегу и покачал головой; тот с удивленным видом прекратил жевать.

– Проходите, садитесь, – начал Карлос. – Я очень рад, что все нашли время и возможность. У нас на повестке дня несколько важных тем.

– А Линна разве не придет? – спросил Кофоэд.

– Придет, наверное…

– Линна поступает как хочет, – негромко пояснил Поллок.

– Йона пару лет назад раскрыл убийства в Тумбе. И я вот все думаю – насколько же он был в себе уверен … точнехонько угадал, в каком порядке произошли убийства.

– Причем против всякой логики, – улыбнулся Элтон.

– Я собаку съел в криминалистике, – подхватил Томми Кофоэд. – А Йона просто ходил и смотрел на кровавые следы. Не понимаю…

– Он словно бы увидел убийство целиком, – сказал Поллок. – Градус жестокости, напряжение… и по следам определил, что убийца, явившись в дом, уже побывал в раздевалке и успел устать.

– Я так и не могу в это поверить, – пробормотал Томми Кофоэд.

Карлос откашлялся и опустил глаза на листок с повесткой дня.

– Сегодня утром поступило сообщение от морской полиции, – начал он. – Какой-то рыбак обнаружил мертвую женщину.

– В сетях?

– Нет. Он увидел, как большая спортивная яхта дрейфует возле Даларё, подгреб поближе, поднялся на борт и нашел ее сидящей на кровати в форпике.

– Ну, Комиссии тут вряд ли есть что делать, – усмехнулся Неслунд.

– Ее убили? – спросил Поллок.

– Самоубийство? – быстро предположил Петтер.

– Пока неясно, – ответил Карлос и взял кусочек бисквита. – Однако я все-таки счел нужным упомянуть об этом.

– Что еще? – хмуро спросил Кофоэд. Карлос сказал:

– У нас запрос из полиции Вестра Гёталанд. Письменный отчет – на столе.

– Я не собираюсь брать это дело, – заявил Поллок.

– У вас у всех полно работы, я знаю, – сказал Карлос и неспешно смахнул крошки со стола. – Может, нам сменить тему и поговорить о… о наборе в Государственную комиссию по расследованию убийств?

Бенни Рубин цепко оглядел присутствующих и заговорил о том, что руководству известно об их колоссальной нагрузке и поэтому оно постаралось найти средства и привлечь в Комиссию по расследованию убийств еще одного служащего.

– Приступим к обсуждению! – предложил Карлос.

– А не лучше будет дождаться Йону и потом уже обсуждать? – спросил Томми Кофоэд. Он перегнулся через стол и выбрал себе парочку завернутых в целлофан бутербродов. Карлос сказал негромко:

– Неизвестно, придет ли он.

– Можно пока устроить перерыв на кофе. – Эрикссон поправил свои сверкающие очки.

Томми развернул бутерброд с лососем, вытащил оттуда укроп, выдавил каплю лимонного сока и развернул салфетку с ножом и вилкой.

Дверь в просторную комнату для совещаний вдруг открылась, и вошел Йона Линна – светлые волосы взъерошены и топорщатся.

– *Syö tilli, pojat*[7], – с улыбкой произнес он.

– Точно, – рассмеялся Поллок. – Он же полезный.

Натан и Йона радостно посмотрели друг на друга.

Кофоэд покраснел и с улыбкой покачал головой.

– *Tilli*, – повторил Натан Поллок и захохотал, когда Йона вернул вынутую укропную веточку на бутерброд Кофоэда.

– Может, продолжим обсуждение? – предложил Петтер.

Йона пожал руку Поллоку, потом подошел к свободному стулу, повесил свой темный пиджак на спинку и сел. И произнес негромко:

– Прошу прощения.

– Тебе всегда рады, – сказал Карлос.

– Спасибо.

– Мы как раз говорили о наборе в Комиссию, – пояснил Карлос. Неслунд заерзал на стуле, а Карлос, пощипав губу, решил: – Передам-ка я, пожалуй, слово Натану.

– Окей, с удовольствием продолжу. Я сейчас говорю не только от своего лица, – начал тот. – Мы все… все надеемся, Йона, что ты присоединишься к нам.

В комнате для совещаний воцарилась тишина. Никлас Дент и Эрик Эрикссон кивнули. Петтер Неслунд, сидевший против солнца, казался силуэтом, вырезанным из черной бумаги.

– Нам бы очень этого хотелось, – сказал Кофоэд.

– Я ценю ваше предложение, – заговорил Йона, запустив пятерню в свои густые волосы. – Все вы специалисты высочайшего класса, я уважаю вашу работу…

Собравшиеся улыбнулись, глядя в стол.

– Но я… я не могу работать по методу Комиссии, – закончил он.

– Мы это знаем, это понятно, – быстро сказал Кофоэд. – Наши методы не очень гибкие, но они могут быть полезными, оказалось же, что…

Он замолчал.

– Мы бы все-таки хотели попросить тебя! – поднажал Поллок.

– Вряд ли мне это подходит.

Собравшиеся опустили глаза, кто-то кивнул; Йона извинился – у него зазвонил телефон. Он встал из-за стола и вышел из комнаты. Через пару минут он вернулся и снял со стула пиджак.

– Мне очень жаль. Я бы остался, но…

– Что-то серьезное? – спросил Карлос.

– Звонил Йон Бенгтссон, патрульный. Он только что обнаружил Карла Пальмкруну.

– Обнаружил? – не понял Карлос.

– Повешенным, – пояснил Йона.

Его лицо с правильными чертами посерьезнело, глаза сверкнули, как серое стекло.

– Кто такой Пальмкруна? – спросил Натан Поллок. – Имя мне ни о чем не говорит.

– Генеральный директор Агентства по контролю за экспортом оружия, – быстро ответил Томми Кофоэд. – Отвечает за шведский экспорт оружия.

– Разве то, чем занимается Агентство, не относится к секретной информации? – спросил Карлос.

– Относится.

---

[7] Ешьте укроп, ребята *(фин.)*.

– Тогда пусть Пальмкруной занимается кто-нибудь из Службы безопасности.

– Но сейчас я обещал Бенгтссону прийти, – сказал Йона. – Там кое-что непонятное.

– Что? – заинтересовался Карлос.

– Это… Нет, сначала я сам должен посмотреть.

– Звучит интригующе, – заметил Кофоэд. – Можно с тобой?

– Если хочешь.

– Я тоже смотаюсь, – быстро заявил Поллок.

Карлос попытался напомнить, что собрание не закончено, но понял, что это бесполезно. Все трое оставили залитую солнцем комнату для совещаний и вышли в прохладу коридора.

6
Как пришла смерть

Через двадцать минут комиссар уголовной полиции Йона Линна припарковал свой черный «вольво» на Страндвеген. Сзади остановился серебристо-серый «линкольн-таункар». Йона вылез из машины и подождал обоих коллег из Государственной комиссии по расследованию убийств. Все трое завернули за угол и вошли в дверь дома номер два по Гревгатан.

Пока старый лифт, погромыхивая, вез их на верхний этаж, Томми Кофоэд – с всегдашней своей угрюмостью – спросил Йону, что тот вообще знает об этом деле.

– Агентство по контролю за экспортом оружия заявило об исчезновении Карла Пальмкруны, – начал Йона. – Семьи у него не было, никто из коллег не знал его близко. Но когда он не объявился на работе, в патрульном отделении пообещали проверить, в чем дело. Йон Бенгтссон пошел к нему на квартиру, нашел его повешенным и позвонил мне. Сказал – подозревает, что тут пахнет преступлением и чтобы я сам все проверил.

Обветренное лицо Поллока помрачнело:

– С чего он заподозрил преступление?

Лифт остановился, Йона отодвинул решетку. Бенгтссон, стоявший у двери в квартиру Пальмкруны, сунул в карман книжку. Йона пожал ему руку и сказал:

– Это Томми Кофоэд и Натан Поллок из Государственной комиссии по расследованию убийств.

Они обменялись приветствиями.

– Когда я приехал, дверь была не заперта, – начал Йон. – Я услышал музыку и увидел, что Пальмкруна повешен в одной из больших комнат. Я за время службы много чего повидал, и тут… тут вряд ли самоубийство. Учитывая, какое положение Пальмкруна занимал в обществе…

– Ты правильно сделал, что позвонил, – сказал Йона.

– Вы обследовали мертвеца? – хмуро спросил Кофоэд.

– Я даже не входил в комнату.

– Отлично, – пробормотал Кофоэд и принялся вместе с Бенгтссоном расставлять номерки.

Вскоре Йона с Поллоком смогли войти в прихожую. Бенгтссон ждал на синем диване. Он указал на двойные двери, приоткрытые в светлую комнату. Йона перешагнул через метку и толкнул обе створки.

Жаркий солнечный свет лился сквозь ряд высоких окон. Карл Пальмкруна висел посреди просторной комнаты. На нем были светлый костюм, плащ-пыльник и тонкие ботинки. Мухи кишели на его побелевшем лице, вокруг глаз и в уголках рта, откладывали желтые яички и жужжали над лужей мочи и щегольским «дипломатом» на полу. Тонкая бельевая веревка глубоко врезалась Пальмкруне в шею, борозда от нее была темно-красной, кровь просочилась через кожу и стекала на рубашку на груди.

– Казнь, – констатировал Томми и содрал с рук резиновые перчатки.

Из его голоса и с его лица исчез даже намек на недовольство. Он с улыбкой опустился на колени и стал фотографировать висящее посреди комнаты тело.

– Скорее всего, мы найдем повреждения на позвоночнике, – Поллок указал на труп.

Йона взглянул на потолок, потом на пол.

– Следовательно, мы имеем дело с демонстрацией, – с энтузиазмом продолжил Кофоэд, и фотоаппарат в его руках сверкнул вспышкой. – Убийца не пытался скрыть преступление. Наоборот, он хотел о чем-то заявить.

– Именно так я и подумал, – горячо подтвердил Бенгтссон. – Комната пустая – ни стульев, ничего, на что можно залезть.

Кофоэд опустил фотоаппарат и принялся изучать истекающий мочой труп.

– Повешение связано с предательством, – заметил он. – Иуда Искариот…

– Подожди-ка, – тихо перебил Йона и странным жестом указал на пол.

– Что такое? – спросил Поллок.

– По-моему, это самоубийство, – сказал Йона.

– Типичное самоубийство, – съязвил Томми Кофоэд, его смешок прозвучал несколько громковато. – Он взлетел…

– Портфель. Если бы он поставил портфель вертикально, то смог бы дотянуться до петли.

– Но не до потолка, – вмешался Поллок.

– Он мог привязать веревку раньше.

– Мог. И все же, по-моему, ты ошибаешься.

Йона пожал плечами и буркнул:

– Музыка, узел…

– Может, просто посмотрим, что в портфеле? – сосредоточенно спросил Поллок.

– Сначала мне надо проверить, что на портфеле, – сказал Кофоэд.

Все молча смотрели, как коротенький Томми, согнувшись, осторожно подбирается к «дипломату», расстилает на полу черную пленку с тонким слоем желатина, а потом аккуратно прижимает пленку резиновым валиком.

– Достаньте, пожалуйста, пару биопакетов и большую коробку, – попросил он, указывая на свою тканевую сумку.

– Гофрокартон?

– Спасибо! – Кофоэд поймал биопакет, который Поллок бросил ему высокой передачей.

Он взял анализы всего, что было на полу, и позвал Поллока в комнату.

– На торце ты найдешь отпечатки подошв, – предсказал Йона. – Портфель опрокинулся, и тело повисло.

Поллок молча подошел к кожаному портфелю и опустился на колени. Серебристо-седой хвостик лег ему на плечо, когда Поллок потянулся вперед и поставил «дипломат» вертикально. На черной коже отчетливо виднелись светло-серые отпечатки ботиночных подошв.

– Ну, что я говорил? – спросил Йона.

– Да пошел ты, – беззлобно отмахнулся Томми Кофоэд и улыбнулся всем своим усталым лицом.

– Самоубийство, – пробормотал Поллок.

– Во всяком случае – чисто технически, – заметил комиссар.

Они стояли и смотрели на висящее тело.

– Ну и что у нас есть? – спросил Кофоэд, все еще улыбаясь. – Покончил с собой человек, принимающий решения о продаже оружия за границу.

– Для нас – ничего, – вздохнул Поллок.

Томми Кофоэд стащил с себя перчатки, указал на покойника и спросил:

– Так что там с узлами и музыкой?

– Двойной морской. – Йона указал на узел. – Который я увязываю с флотской карьерой Пальмкруны.

– А музыка?

Йона помолчал, задумчиво глядя на него, и спросил:

– А что ты сам думаешь о музыке?

– Не знаю. Какая-то соната для скрипки, – сказал Кофоэд. – Начало девятнадцатого века или…

Он замолчал: в дверь позвонили. Все четверо переглянулись.

Йона двинулся в прихожую, остальные пошли следом за ним, однако замерли в салоне, чтобы их не было видно с лестничной площадки. Йона подошел к двери, поколебался, не посмотреть ли в «глазок», однако не стал. Ощутил поток воздуха из замочной скважины, когда протянул руку и положил ее на дверную ручку. Тяжелая дверь подалась. На лестничной клетке было темно. Временное освещение успело потухнуть, а свет, сочившийся через красно-коричневые окна подъезда, был слабым. Вдруг Йона услышал, как кто-то медленно дышит – совсем рядом. Шумное сопение стоящего за дверью человека. Рука Йоны потянулась к пистолету; он осторожно заглянул за приоткрытую дверь. В луче света, упавшем из квартиры, неподвижно стояла высокая женщина лет шестидесяти. Крупные руки, на щеке – большой пластырь телесного цвета. Седые волосы коротко подстрижены, девичья прическа «паж». Без намека на улыбку женщина взглянула Йоне прямо в глаза.

– Вы его сняли? – спросила она.

7
Люди, которые всегда готовы помочь

К часу Йона рассчитывал успеть на встречу с членами Комиссии по расследованию убийств.

Они с Дисой собрались пообедать в саду Росендаль[8] на Юргордене[9]. Йона пришел слишком рано и какое-то время стоял на солнцепеке, разглядывая пар, повисший над маленьким виноградником. Наконец он увидел Дису с тряпочной сумкой на плече. Маленькое умное лицо усеяно веснушками, а волосы, обычно заплетенные в две лохматые косички, ради торжественного момента распущены по плечам. Диса нарядилась: на ней было летнее платье в цветочек и босоножки на танкетке.

Они сдержанно обнялись.

– Привет, – сказал Йона. – Прекрасно выглядишь.

– Ты тоже.

Они взяли еду в кафетерии и уселись за столик на улице. Йона заметил, что Диса сделала маникюр. Она была руководителем археологической группы и обычно коротко стригла ногти, под которые иначе забивалась земля. Йона перевел взгляд на фруктовый сад.

Диса принялась за еду и с набитым ртом проговорила:

– Герцог Курляндский подарил королеве Кристине леопарда. И она держала зверя здесь, в Юргордене.

– Надо же.

– Я читала в дворцовых записях, что налоговая палата заплатила 40 далеров серебром за помощь в погребении служанки, которую разорвал леопард.

Диса откинулась на спинку стула, взяла бокал и с иронией заметила:

– Йона Линна, ты болтаешь не закрывая рта.

– Прости. Я…

Йона замолчал и вдруг почувствовал слабость.

– Что?

– Пожалуйста, расскажи еще. Про леопарда.

– У тебя грустный вид.

– Подумал про маму… вчера был ровно год, как она умерла. Съездил на могилу, оставил белые ирисы.

– Мне тоже не хватает Ритвы.

Диса отложила вилку и помолчала.

– Знаешь, что она сказала в последний раз, как мы с ней виделись? Взяла меня за руку и заявила, что я должна соблазнить тебя и от души постараться залететь.

– Могу себе представить, – рассмеялся Йона.

Солнце преломилось в бокале, заиграло в удивительных темных глазах Дисы.

– Я ответила, что вряд ли у меня получится, и она велела мне уходить и не показываться больше ей на глаза, уходить и не возвращаться.

Йона кивнул, не зная, что сказать.

– И ты останешься совсем один, – продолжала Диса. – Большой одинокий финн.

Он погладил ее пальцы.

– Мне этого совсем не хочется.

---

[8] Сад, созданный Шведским садовым обществом в 1861 г.

[9] Остров и район в Стокгольме.

– Чего?

– Остаться большим одиноким финном, – ласково сказал он. – Я хочу быть с тобой.

– А мне хочется укусить тебя, и довольно больно. Можешь объяснить, почему? Когда я тебя вижу, у меня зубы чешутся, – улыбнулась Диса.

Йона протянул руку, чтобы дотронуться до нее. Он уже опоздал на встречу с Элиассоном и комиссией, но продолжал болтать с Дисой. Надо сходить в Музей северных стран – посмотреть на саамский свадебный венец.

* * *

Пока Йоны не было, Карлос Элиассон рассказал членам Комиссии о женщине, найденной мертвой на спортивной яхте в Стокгольмских шхерах. Бенни Рубин записал в протоколе, что расследование несрочное и что делом должна заниматься морская полиция.

Йона немного опоздал и едва успел присоединиться к обсуждению, когда позвонил Бенгтссон из патрульного подразделения. Они были знакомы давно, больше десяти лет играли во флорбол друг против друга. Йон Бенгтссон был приятным человеком, но растерял почти всех друзей, когда у него обнаружился рак простаты. Бенгтссон поправился, но, подобно многим ощутившим всесилие смерти, стал очень чувствительным и медлительным.

Йона стоял в коридоре возле комнаты для совещаний и слушал медленную речь Бенгтссона. В голосе Бенгтссона звучала чудовищная усталость, которая всегда наваливалась на него после сильного стресса. Бенгтссон только что обнаружил генерального директора Агентства по контролю за экспортом оружия свисающим с потолка его, директора, собственной квартиры.

– Самоубийство? – спросил Йона.

– Нет.

– Убийство?

– Может, просто приедешь? Йона, тело парит над полом.

* * *

Едва Йона успел согласиться с Натаном Поллоком и Томми Кофоэдом, что речь идет о самоубийстве, как в квартиру Пальмкруны позвонили. На темной лестничной площадке стояла высокая женщина с пластиковыми пакетами в больших руках.

– Вы его сняли? – спросила она.

– Сняли? – повторил Йона.

– Директора Пальмкруну, – деловито пояснила женщина.

– Что значит «сняли»?

– Извините, я всего лишь домработница. Я думала…

Женщина смутилась и пошла вниз по лестнице, но сразу остановилась, когда Йона ответил на ее первый вопрос:

– Он еще висит.

– Вот как. – Женщина повернула к комиссару равнодушное лицо.

– Вы сегодня уже видели, что он висит?

– Нет.

– Тогда почему вы спросили, сняли ли мы его? Вы заметили что-нибудь необычное?

– Веревку с петлей на крюке от люстры в маленьком салоне.

– Вы видели петлю?

– Естественно.

– И вас не напугало, что Пальмкруна может ею воспользоваться?

– Умереть – это не бог весть что, – со сдержанной улыбкой ответила женщина.

– Как вы сказали?

Но женщина только покачала головой.

– Как, по-вашему, он умер? – спросил Йона.

– Петля затянулась на горле, – тихо ответила женщина.

– А как петля попала на горло?

– Не знаю… наверное, ей помогли туда попасть, – задумчиво сказала женщина.

– Что значит «помогли»?

Глаза домработницы закатились, и Йона решил, что она сейчас упадет в обморок, но женщина оперлась рукой о стену, взглянула ему в лицо и произнесла слабым голосом:

– В мире полно людей, которые всегда готовы помочь.

8
Нолен

В бассейне полицейского управления было тихо и пусто, за стеклянной стеной темнота, в кафетерии – никого. Большой голубой бассейн был почти неподвижен. Вода снизу подсвечивалась, и блики медленно покачивались на стенах и потолке. Комиссар проплывал дорожку за дорожкой, удерживая темп и следя за дыханием.

В памяти всплыло лицо Дисы – вот она говорит «Когда я тебя вижу, у меня зубы чешутся».

Йона подплыл к стенке бассейна, повернулся под водой, оттолкнулся и начал новую дорожку. Ему показалось, что он поплыл быстрее, когда в мыслях снова оказался в квартире Карла Пальмкруны на Гревгатан. Комиссар снова видел висящее тело, лужицу мочи, мух на лице. Самоубийца не снял верхнюю одежду – ни плащ, ни ботинки, – но потратил время на то, чтобы включить музыку.

Все это заставляло Йону думать, что поступок был одновременно и спонтанным, и хорошо спланированным, что делало его совершенно не похожим на обычное самоубийство.

Комиссар поплыл быстрее, повернулся, еще увеличил скорость. Он видел себя идущим через прихожую Пальмкруны; вот он открывает дверь после неожиданного звонка. Вот видит высокую женщину с крупными руками – она стоит за дверью, в темноте лестничной площадки.

Йона остановился у края бассейна и, тяжело дыша, схватился за пластмассовую решетку над желобом. Дыхание скоро выровнялось, хотя мускулы рук отяжелели от молочной кислоты. В зал вошла группа полицейских в спортивных костюмах. Они принесли с собой две куклы, которых надо было «спасать» – куклу-ребенка и куклу, изображавшую толстяка.

«Умереть – это не бог весть что», – сказала с улыбкой та грузная женщина.

Йона вылез из бассейна странно напряженный. Непонятно почему, но он не мог отделаться от мыслей о смерти Пальмкруны. Перед глазами стояла пустая светлая комната. Умиротворяющая скрипичная музыка – и рои гудящих мух.

Йона знал, что это самоубийство, и твердил себе, что Государственной уголовной полиции здесь делать нечего. Но ему все же хотелось помчаться на место преступления и снова все осмотреть, хотелось пройти каждую комнату, проверить, не упустил ли он чего.

Говоря с домработницей, он решил, что та разволновалась, что потрясение сомкнулось вокруг нее, как густой туман, отчего женщина стала нервной, подозрительной и давала странные бессвязные ответы. Но теперь Йона решил зайти с другого конца. А вдруг она вовсе не разволновалась, не испытала потрясения, а старалась как можно точнее отвечать на его вопросы? Домработница Эдит Шварц утверждала, что Пальмкруне помогли соорудить петлю – нашлись добрые руки и люди, которые всегда готовы помочь. И тогда он покончил с собой не по собственной воле, не в одиночку он организовал свою смерть.

Во всем этом просматривалось что-то странное.

Комиссар знал, что прав, но не мог определить – в чем именно.

Йона вошел в мужскую раздевалку, отпер свой шкафчик, достал телефон и позвонил главному патологоанатому, Нильсу Олену.

– Я еще не закончил, – сразу заявил Нолен.

– Я насчет Пальмкруны. Каково твое первое впечатление, даже если ты…

– Я еще не закончил.

– …даже если ты еще не закончил. – Йона довел мысль до конца.

– Загляни в понедельник.

– Я приду сейчас.

– В пять мы с женой идем выбирать диван.

– Буду через двадцать пять минут. – Комиссар нажал «отбой». Он не стал дожидаться, пока Нолен снова скажет свое «Я еще не закончил».

Когда Йона принял душ и переоделся, послышались смех и говор детей. Комиссар понял, что скоро начнется занятие по плаванию – полицейское управление проводило такие занятия.

Что же на самом деле означает это странное самоубийство генерального директора Агентства по контролю за экспортом оружия? Человек, имевший право решающего голоса во всем, что касалось шведского производства и экспорта оружия, мертв.

«А если я ошибся? Что, если это все же убийство?» – думал Йона. Надо поговорить с Поллоком перед тем как ехать к Нолену – может, они с Кофоэдом уже успели взглянуть на отчет об осмотре места преступления.

Йона широкими шагами прошел по коридору, сбежал вниз по лестнице и позвонил своему ассистенту Анье Ларссон. Он хотел знать, нет ли Поллока в полицейском управлении.

9
Ближний бой

Густые волосы Йоны еще не до конца высохли, когда он открывал дверь в аудиторию номер одиннадцать, где Натан Поллок проводил занятие с группой избранных, специализировавшихся на ситуациях с заложниками и побегах из тюрем.

За спиной у Поллока висела анатомическая таблица – изображение человеческого тела, которое проецировалось через компьютер. На столе лежали семь образцов огнестрельного оружия – от маленького серебристого «зиг-зауэра»-*P*238 до матово-черного автомата «хеклер-и-кох» с 40-миллиметровой насадкой для гранат.

Перед Поллоком стоял молоденький полицейский. Поллок спрятал за спину нож, метнулся к полицейскому и «полоснул» его по горлу, пояснив:

– Недостаток подобного ранения в том, что враг может закричать, вы не сумеете контролировать его движения, да к тому же умрет он не сразу – известное время займет кровотечение, поскольку рассеченной окажется только одна артерия.

Он снова подошел к полицейскому и сгибом локтя зажал молодому человеку рот:

– Но если я сделаю вот так, то заглушу крик, поверну голову жертвы и одним движением вскрою обе артерии.

Поллок выпустил полицейского и заметил, что у дверей стоит Йона. Комиссар, наверное, вошел, когда Поллок демонстрировал захват. Молодой полицейский провел рукой по губам и сел на свое место. Поллок широко улыбнулся и махнул Йоне, приглашая его войти, но комиссар покачал головой и тихо сказал:

– Натан, на пару слов.

Кое-кто из полицейских обернулся и посмотрел на Йону. Поллок подошел, они с комиссаром пожали друг другу руки. У Йоны намок пиджак – после душа вода все еще текла по шее.

– Томми Кофоэд занимался отпечатками подошв из квартиры Пальмкруны, – начал комиссар. – Мне надо знать, нашел ли он что-нибудь неожиданное.

– Я думал, это не срочно, – вполголоса заметил Натан. – Мы, конечно, сфотографировали все отпечатки, но еще не анализировали результаты. Я пока не делал никаких выводов, хотя…

– Что ты видел?

– Когда я загрузил изображения в компьютер… это может оказаться просто узором, еще слишком рано…

– Просто скажи – и все. Мне нужно идти.

– Там как будто есть отпечатки двух разных пар обуви, они идут двумя кругами возле тела, – сказал Натан.

– Пошли к Нолену.

– Прямо сейчас?

– Я должен быть там через двадцать минут.

– Черт, я не могу. – Нолен жестом указал на свою группу. – Но если тебе нужно будет что-то спросить – у меня включен телефон.

– Спасибо. – Йона повернулся к двери, чтобы выйти.

– А… ты не хочешь сказать «привет» честной компании? – спросил Натан.

Слушатели уже повернулись в их сторону, и Йона коротко кивнул им.

– Это тот самый Йона Линна, о котором я рассказывал, – громко объявил Поллок. – Я пытаюсь уговорить его прочитать вам лекцию о ближнем бое.

Стало тихо. Все воззрились на Йону.

– Большинство из вас знает о борьбе больше, чем я, – произнес комиссар, усмехнувшись. – Единственное, что я усвоил, – это… короче, когда все по-настоящему, правила меняются. Бой перестает быть спортом и становится дракой.

– Слушайте, слушайте! – настойчиво посоветовал Поллок.

– Победить можно, только если ты способен принять новые обстоятельства и извлечь из них выгоду. Учитесь использовать обстоятельства… например, вы находитесь в машине или на балконе. Помещение может быть заполнено слезоточивым газом. Пол – усыпан битым стеклом. Можно применить огнестрельное оружие, нож. Никогда не знаешь, как будут развиваться события – все только начинается или уже заканчивается. Скорее всего, вам придется беречь силы, чтобы работать дальше, всю ночь… так что о нескольких пинках или эффектных пируэтах, как в кино, речь не идет.

Кое-кто из ребят засмеялся.

– При ближнем бое без оружия – смиритесь с мыслью, что будет больно, только так вы сможете быстро закончить схватку… все, на сегодня хватит.

Йона вышел из аудитории. Двое полицейских захлопали. Дверь закрылась, и в кабинете стало тихо. Поллок улыбнулся про себя, потом вернулся к столу.

– Честно говоря, я хотел приберечь это на потом, – сказал он и защелкал мышкой. – Эта пленка уже стала классикой… Трагедия с заложниками в банке «Нордеа» на Хамнгатан, девять лет назад. Двое грабителей. Йона Линна уже вывел заложников, обезвредил одного из грабителей, вооруженного «узи». Была яростная перестрелка. Второй преступник, вооруженный только ножом, спрятался. Грабители залили спреем все камеры слежения, но эту пропустили… Запись длится всего несколько секунд, так что я пущу ее в замедленном темпе.

Поллок снова щелкнул мышкой, и на экране медленно задвигались фигуры. Зернистое изображение, съемка – из верхнего угла банковского зала. Таймер внизу картинки отсчитывал секунды. Мебель перевернута, бумаги и бланки разбросаны по полу. Йона медленно отходит в сторону, в вытянутой руке – пистолет. Движения медленные, словно под водой. Грабитель с ножом прячется за дверью, ведущей к сейфам. Внезапно он кидается вперед, резко выбросив перед собой руку с ножом. Комиссар наводит на него пистолет, целится в грудь и нажимает курок.

– Осечка, – прокомментировал Поллок. – Пистолет заклинило из-за бракованного патрона.

Зернистое изображение зарябило. Йона отступает, человек с ножом наступает. Оба двигаются беззвучно, как привидения, скользящими шагами. Йона выбрасывает магазин, железка падает на пол, крутится. Комиссар тянется за новым, но понимает, что не успеет. Он перехватывает бесполезный пистолет так, чтобы дуло стало продолжением руки.

– Не поняла, – сказала какая-то женщина.

– Он превратил пистолет в тонфу, – пояснил Поллок.

– Во что?

– Это вроде дубинки… как у американских полицейских. Увеличивает радиус действия и силу удара благодаря уменьшению поверхности, на которую приходится удар.

Человек с ножом продолжает наступать на Йону. Широкие замедленные шаги. Лезвие поблескивает, рука с ножом совершает полукруг в направлении груди комиссара. Другая рука поднята, следует за разворачивающимся корпусом. Йона вроде бы и не смотрит на нож – он движется вперед, перехватывает руку с лезвием и в тот же миг наносит прямой удар. Дулом пистолета попадает преступнику в шею, прямо под адамово яблоко.

Нож, медленно крутясь, как во сне, ударяется о пол, грабитель падает на колени, широко раскрывает рот, хватается за шею и валится лицом вниз.

10
Утопленница

Йона ехал в Сольну, в Каролинский институт. Сидя в машине, он думал о свисающем с потолка теле Карла Пальмкруны, о натянувшейся веревке, о портфеле на полу.

К этому следовало прибавить два круга следов вокруг мертвеца.

Дело не закончено.

Йона свернул на Кларастрандследен. На деревьях уже завязывались плоды; ветки нависли над гладкой зеркальной поверхностью воды.

Перед его внутренним взором снова предстала домработница Эдит Шварц… каждая деталь, вены на больших руках, держащих пластиковые пакеты… и как она произносит: «В мире полно людей, которые всегда готовы помочь».

Отделение судебной медицины располагалось между зеленеющими деревьями и ухоженными газонами обширного кампуса Каролинского института. Здание из красного кирпича, дом номер пять по Ретциусвег, со всех сторон окружали высокие корпуса.

Йона свернул на пустую парковку для посетителей. Он увидел, что патологоанатом Нильс Олен, которого все звали Нолен, переехал через бордюр и припарковал свой белый «ягуар» прямо посреди аккуратного газона возле главного входа.

Йона помахал дежурной; та в ответ оттопырила большой палец. Комиссар прошел по коридору, постучал в дверь Нолена и вошел. В кабинете, как всегда, не было ничего лишнего.

Жалюзи опущены, однако солнечные лучи пробиваются через узкие пластины. Свет сияет на белых поверхностях, но тонет в серых полях начищенной стали.

У Нолена очки-«авиаторы» с белыми дужками, под медицинским халатом – белая рубашка-поло.

– Я сунул штрафную квитанцию в неправильно припаркованный «ягуар», машина возле входа, – сообщил Йона.

– Молодец.

Комиссар остановился посреди кабинета и посерьезнел, глаза приобрели цвет темного серебра.

– Как он умер? – спросил он.

– Пальмкруна?

– Да.

Зазвонил телефон. Нолен подтолкнул Йоне отчет о вскрытии и сказал, берясь за трубку:

– Тебе не обязательно было приезжать, чтобы получить ответ.

Йона уселся напротив него на стул, обтянутый белой кожей. Вскрытие тела Карла Пальмкруны было завершено. Йона полистал отчет и пробежал глазами первые попавшиеся несколько пунктов.

«74. Общий вес почек – 290 гр. Поверхность гладкая. Ткани серо-красные. Плотные, эластичные. Рисунок отчетливый.

75. Мочевыводящие пути выглядят нормально.

76. Мочевой пузырь пустой. Слизистая оболочка бледная.

77. Предстательная железа нормального размера. Ткани бледные».

Нолен поправил очки на тонком крючковатом носу, положил трубку и взглянул на Йону.

– Ничего неожиданного, как видишь, – зевая, сказал он. – Причина смерти – асфиксия, то есть удушение… но при полноценном повешении речь редко идет об удушении в обычном смысле. Скорее, о прекращении артериального снабжения.

– Мозг «задохнулся» из-за нехватки кислорода – прекратился ток крови.

Нолен кивнул:

– Двустороннее сдавливание сонных артерий – все произошло очень быстро, потеря сознания через несколько секунд…

– Но в момент повешения он не был мертвым?

– Нет.

Узкое лицо Нолена было идеально выбритым и угрюмым.

– А с какой высоты он падал? – спросил Йона.

– Перелома позвоночника нет, основания черепа – тоже… думаю, сантиметров тридцать-сорок.

Йона подумал о «дипломате» с отпечатками подошв Пальмкруны. Комиссар снова перелистал протокол – до того места, где говорилось о внешнем осмотре, обследовании кожи шеи, измеренных углах. Нолен спросил:

– Что ты об этом думаешь?

– Может быть так, что его удавили, а потом повесили на той же веревке?

– Нет.

– Почему?

– Почему? Потому что есть только одна борозда, и она идеальная, – начал объяснять Нолен. – Когда кого-нибудь вешают, веревка той или иной толщины врезается в горло…

– Преступник мог знать об этом, – перебил Йона.

– Воспроизвести такое специально почти невозможно… при идеальном повешении петля оставляет на шее борозду в форме капли. С кончиком, направленным вверх, к узлу…

– Тяжесть тела стягивает петлю.

– Именно… и поэтому самый глубокий отрезок борозды находится точно напротив острия «капли».

– Значит, он умер от повешения, – констатировал Йона.

– Без сомнения.

Длинный тощий патологоанатом покусал нижнюю губу.

– А его могли принудить к самоубийству? – спросил Йона.

– Только не силой. На теле нет следов насилия.

Йона закончил просматривать отчет, тихо побарабанил по нему пальцами и подумал, что объяснения домработницы о том, что в смерти Пальмкруны замешаны другие люди, были просто словами сильно взволнованного, сбитого с толку человека. И все-таки у комиссара из головы не шли следы от двух разных пар обуви, найденные Томми Кофоэдом.

– Значит, ты точно установил причину смерти? – спросил Йона, глядя Нолену в глаза.

– А ты чего ожидал?

– Именно этого, – медленно ответил Йона и положил руку на папку с отчетом о вскрытии. – Я ожидал именно этого, но все равно не могу избавиться от одной мысли.

Нолен растянул узкие губы в улыбке:

– Возьми отчет с собой, почитай на ночь вместо сказки.

– Возьму.

– Но по-моему, ты можешь забыть про Пальмкруну… вряд ли ты раскопаешь тут что-то поинтереснее самоубийства.

Улыбка Нолена увяла, он опустил глаза, однако взгляд Йоны оставался острым и сосредоточенным.

– Конечно, ты прав, – сказал он.

– Конечно. И могу немного порассуждать, если хочешь… Карл Пальмкруна пребывал в депрессии. Ногти не стрижены и грязные, он несколько дней не чистил зубы, не брился.

– Понимаю.

– Да вот сам посмотри.

– Не нужно, – ответил комиссар и тяжело поднялся.

Нолен подался вперед и сказал настойчиво, словно ждал этого момента:

– Сегодня утром я нашел кое-что поинтереснее. У тебя есть несколько минут?

Он встал и кивком пригласил комиссара с собой. Йона вышел в коридор. Заблудившаяся там голубая бабочка порхнула следом за ними.

– Парень уволился? – спросил Йона.

– Какой?

– Этот, который был здесь. С хвостиком…

– Фриппе? Скажешь тоже – «уволился». У него выходной. Вчера в «Глобен» играли «Мегадеш», а на разогреве были «Энтомбенд».

Они прошли через темный зал, в центре которого стоял прозекторский стол из нержавеющей стали. Резко пахло дезинфицирующим средством. Комиссар с Ноленом вошли в прохладное помещение, где в морозильных ящиках хранились трупы.

Нолен щелкнул выключателем. Свет мигнул и лег на белые кафельные стены и длинное пластиковое покрытие прозекторского стола с двойными мойками и желобами для воды.

На столе лежала молодая очень красивая женщина.

Загорелая кожа; длинные черные волосы вились густыми блестящими кудрями по лбу и плечам. Покойница смотрела в пространство со смешанным выражением нерешительности и удивления.

Углы рта были слегка приподняты, как у тех, кто часто улыбается и смеется.

Но из больших темных глаз ушел блеск. На белках уже начали появляться коричневатые пятнышки.

Йона рассматривал женщину, лежащую на столе. Он подумал, что ей вряд ли больше девятнадцати-двадцати. Совсем недавно она была маленькой девочкой и спала с родителями. Потом стала школьницей-подростком, а теперь вот мертва.

На коже под шеей женщины виднелась нечеткая, сантиметров тридцати длиной, выгнутая линия, похожая на растянутый в улыбке рот. Йона указал на нее и спросил:

– Что это?

– Понятия не имею. Может, след от цепочки, может – от воротника майки. Потом уточню.

Йона внимательно посмотрел на безжизненное тело, глубоко вздохнул и, как всегда перед лицом несомненного факта смерти, почувствовал, что печаль затапливает все прочие чувства, заполняет все бесцветным одиночеством.

Как чудовищно хрупка жизнь.

Ногти на руках и ногах покойной были покрыты розовато-бежевым лаком.

– Так что в ней такого необычного? – помолчав, спросил комиссар.

Нолен серьезно взглянул на него, потом, блеснув очками, повернулся к телу и начал:

– Ее привезла морская полиция. Нашли сидящей на кровати в форпике прогулочной яхты, которая дрейфовала в шхерах.

– Мертвую?

Нолен взглянул комиссару в глаза, и его голос вдруг сделался мелодичным:

– Она утонула, Йона.

– Утонула?

Нолен кивнул и улыбнулся дрогнувшими губами.

– Утонула на борту яхты.

– Значит, кто-то обнаружил ее в воде и поднял на борт.

– Если бы это было так, я бы не стал отнимать у тебя время, – сказал Нолен.

– Тогда в чем дело?

– На теле не было воды. Я отправил одежду на анализ, но лаборатория в Линчёпинге ничего не найдет.

Нолен замолчал, полистал отчет о предварительном внешнем осмотре, а потом искоса взглянул на Йону – удалось ли ему разбудить в комиссаре любопытство? Тот смотрел на мертвое тело острым, все замечающим взглядом. Внезапно он достал из коробки и натянул латексные перчатки. Нолен с довольным видом наблюдал, как Йона склоняется над девушкой, осторожно поднимает ее руки, изучает их.

– Ты не найдешь никаких следов насилия, – прошелестел Нолен. – Это не укладывается в голове.

11
На форпике

Морская полиция отбуксировала большую спортивную яхту на стоянку Даларё. Ослепительно-белая, она покачивалась между двумя полицейскими катерами.

Высокие стальные ворота гавани были открыты. Йона медленно проехал по гравийной дорожке, мимо фургончика и подъемника с ржавой лебедкой. Припарковался, вылез из машины и подошел ближе.

Брошенная яхта дрейфует в шхерах, подумал он. На кровати сидит утонувшая девушка. Судно плывет, а легкие девушки полны соленой морской воды.

Йона рассматривал яхту – все еще с некоторого расстояния. Она была серьезно повреждена; глубокие царапины – следы мощного столкновения – тянутся вдоль штевня, краска ободрана, поломаны детали из стекловолокна.

Комиссар набрал номер Леннарта Юханссона из морской полиции.

– Лэнс! – послышался бодрый голос.

– Я говорю с Леннартом Юханссоном?

– Да, я слушаю.

– Меня зовут Йона Линна. Государственная уголовная полиция.

В трубке замолчали. Потом как будто плеснула вода.

– Я насчет спортивной яхты, которую вы задержали. Куда она врезалась?

– Врезалась?

– Носовая часть повреждена.

Йона сделал несколько шагов по направлению к яхте и услышал, как Юханссон с отчаянием в голосе говорит:

– Бог ты мой, если бы мне доплачивали за каждого пьяницу, который во что-то врезался…

– Мне нужно взглянуть на яхту, – перебил Йона.

– В общем и целом мы имеем вот что, – пустился в объяснения Юханссон. – Подростки из… откуда там… из Сёдертелье. Сперли яхту, подцепили пару девиц, носились туда-сюда, слушали музыку, развлекались, пиво – рекой. В разгар вечеринки на что-то налетели, сильный толчок, девушка падает в воду. Мальчишки останавливают яхту, дают задний ход, находят девицу, поднимают на борт. Обнаруживают, что она мертва, пугаются и удирают.

Леннарт замолчал и стал ждать, что скажет Йона.

– Неплохая версия, – медленно произнес комиссар.

– Правда? – весело сказал Леннарт. – Соглашайтесь с ней, тогда вам не придется ехать на Даларё.

– Поздно. – И Йона пошел к яхте.

Катер военного образца был пришвартован к яхте кормой. Мужчина лет двадцати пяти с обнаженным загорелым торсом стоял на палубе, прижав к уху телефон.

– *Suit yourself*[10], – пригласил он. – Осталось позвонить и заказать экскурсию.

– Я уже здесь… и, кажется, вижу вас, если это вы стоите на полицейском катере…

– Я похож на серфингиста?

Загорелый, улыбаясь, посмотрел на комиссара и поскреб грудь.

– В общем и целом, – сказал Йона.

[10] Делайте, как вам нравится *(англ.)*.

Они разъединились и пошли навстречу друг другу. Леннарт Юханссон натянул форменную рубашку с короткими рукавами и застегнул ее, спускаясь по сходням.

Йона оттопырил большой палец и мизинец – знак серфингистов. Леннарт улыбнулся – на загорелом лице сверкнули белые зубы:

– Я встаю на доску, если есть хоть одна волна. Поэтому меня зовут Лэнс[11].

– Понятно.

Они подошли к яхте и остановились на причале возле сходней.

– «Стуребру 36, Рояйл Круизер», – сказал Леннарт. – Хорошее корыто, только изношенное. Зарегистрирована на Бьёрна Альмскуга.

– Вы связались с ним?

– Еще не успели.

Комиссар и Юханссон рассмотрели повреждения на носу яхты поближе. Повреждения, похоже, были свежими – между нитями стекловолокна не было водорослей.

– Я вызвал сюда эксперта. Он скоро появится, – сказал Йона.

– Крепко поцеловалась, – заметил Лэнс.

– Кто поднимался на борт, когда яхту нашли?

– Никто, – быстро ответил Юханссон.

Йона терпеливо улыбнулся.

– Ну я, конечно, – протянул Леннарт. – И Сонни, мой коллега. И ребята со «скорой», которые забирали тело. И наш криминалист, но у него были метки и защитная одежда.

– Все?

– Еще – старик, который обнаружил яхту. И все.

Йона молча посмотрел вниз, в сверкающую воду, и подумал о девушке, лежавшей на столе в отделении судебной медицины.

– Криминалист точно проверил все поверхности?

– Он обследовал пол и сфотографировал место преступления.

– Я поднимаюсь на борт.

Между причалом и яхтой лежали узкие потертые сходни. Йона шагнул на палубу, постоял на корме. Потом медленно огляделся и не торопясь двинулся по палубе, рассматривая предметы. Он осматривал место преступления так, словно до него здесь никого не было. Каждая деталь, которую он фиксировал, могла оказаться решающей. Туфли, перевернутый шезлонг, купальная простыня, какое-то карманное издание, желтевшее на солнце, нож с красной пластмассовой ручкой, ведро на веревке, пакет с углем для гриля, бадья с «мокрым» гидрокостюмом, флаконы с кремом от солнца и лосьонами.

За большим окном угадывался салон с рулевым колесом и лакированной обшивкой. Заглянув в окно под острым углом, комиссар заметил на стеклянной двери отпечатки пальцев – помогло уходящее солнце: чьи-то руки толчком открыли дверь, снова закрыли, оперлись, когда яхта качалась.

Йона вошел в маленький салон. Предвечернее солнце сияло на лакированных и хромированных поверхностях. На диване с темно-синими подушками лежали ковбойская шляпа и солнечные очки.

Вода плескала в остов яхты.

Йона скользнул взглядом по полу салона и дальше, по узкой лестнице, ведущей в носовую часть. Внизу было темно, как в колодце, и комиссару пришлось зажечь карманный фонарик. Осветился узкий пустой проход. Красное дерево влажно светилось, словно человеческие внутренности. Йона двинулся вниз по заскрипевшим ступенькам, думая о девушке. Осталась на яхте одна, нырнула с борта, ударилась головой о камень; в легкие попала вода,

[11] Имя одного из героев фильма «Апокалипсис сегодня», увлекающегося серфингом.

но девушка сумела подняться на борт, стащить влажный купальник и переодеться в сухое. Может быть, потом она почувствовала усталость и прилегла, не понимая, что серьезно ранена, не сознавая, что у нее кровотечение, из-за которого внутричерепное давление резко подскочило.

Но тогда Нолен нашел бы на ее теле следы соленой воды.

Не сходится.

Комиссар спустился еще ниже, прошел мимо кухоньки и ванной…Его все еще преследовало ощущение, что смерть здесь, на яхте, хотя покойницу уже отправили к патологоанатому в Сольну. Это ощущение повторялось каждый раз. Предметы молча смотрят ему вслед; крики, звуки борьбы, тишина покрывают их толстым ковром.

Вдруг яхта странно заскрипела и как будто легла набок. Йона подождал, прислушался, однако пошел дальше к форпику.

Лучи летнего солнца пробивались сквозь люки в потолке, освещая двуспальную кровать с полукруглым валиком в изголовье. На этой кровати девушку и нашли. Расстегнутая спортивная сумка на полу, ночная сорочка в горошек развернута. У двери валяются джинсы и кофточка. Сумочка висит на крючке.

Яхта снова качнулась, и стеклянная бутылка покатилась по палубе над головой у комиссара.

Йона сфотографировал сумку на мобильный телефон в разных ракурсах. Из-за вспышки тесное помещение как будто съёжилось, стены, пол и потолок словно бы на миг шагнули друг к другу.

Комиссар осторожно снял сумочку с крючка и понес с собой наверх. Лестница поскрипывала под его тяжестью. Снаружи слышалось металлическое позвякивание. Когда он поднялся в салон, по стеклянной двери скользнула неожиданная тень. Йона тут же отступил назад, вниз, в темноту лестницы.

12
Странная смерть

Йона замер в самом низу лестницы, ведущей к кухне и спальне. Со второй ступеньки ему было видно нижнюю часть стеклянной двери и кусок кормы. По пыльному стеклу проплыла тень, неожиданно появилась рука. Кто-то медленно двигался вперед. В следующую секунду комиссар узнал Эрикссона. Толстяк укладывал у двери желатин, по пухлым щекам стекали капли пота.

Поднявшись в салон, комиссар осторожно перевернул принесенную из спальни сумочку над дорогим деревянным столиком и высыпал ее содержимое. Ручкой раскрыл красный бумажник. В нем оказались водительские права в поцарапанной пластиковой обложке. Комиссар увидел красивое серьезное лицо, освещенное вспышкой: фотография была сделана в кабинке-автомате. Девушка сидела немного откинувшись, глядя вверх, словно кто-то рассматривал ее. Темные курчавые волосы. Комиссар узнал девушку из прозекторской: прямой нос, те же глаза, латиноамериканские черты.

«Пенелопа Фернандес» – прочитал он на водительских правах и подумал, что где-то слышал это имя.

Йона мысленно вернулся в прозекторскую. Обнаженное тело на столе в комнате с кафельными стенами и трупным запахом, умиротворенные черты, лицо человека, который уже не проснется.

Снаружи, в лучах солнца, дециметр за дециметром перемещалось массивное тело Эрикссона – криминалист снимал отпечатки пальцев с поручней: возил кисточкой с дактилоскопическим порошком, клеил скотч. Осторожно осушал влажные поверхности, капал специальный реагент, фотографировал проявляющиеся отпечатки. Толстяк вздыхал так тяжко, словно каждое движение давалось ему ценой мучительного напряжения, словно он вконец обессилел.

Йона, прищурившись, посмотрел на палубу и увидел ведро с привязанной веревкой, рядом валялась кроссовка. Возле кухни пахло подгнившими картофельными очистками.

Комиссар снова взглянул на фотографию в водительских правах. Посмотрел на рот молодой женщины, на губы, вроде бы с трещинками, и вдруг понял: чего-то не хватает.

Он как будто что-то видел, хотел сказать об увиденном – но совершенно забыл, что именно он видел.

Комиссар дернулся – в кармане зажужжал телефон. Звонил Нолен.

– Йона.

– Это Нильс Олен, главный патологоанатом отделения судебной медицины в Стокгольме.

Йоне стало смешно. Они знали друг друга двадцать лет, и он узнавал голос Нолена безо всяких церемоний.

– Она ударилась головой? – спросил комиссар.

– Нет, – удивленно ответил Нолен.

– Я подумал – может, она нырнула и наткнулась на камень.

– Нет, ничего подобного. Она утонула, это и стало причиной смерти.

– Ты уверен? – настаивал Йона.

– Я нашел пенистый грибок в ноздрях, разрывы слизистой в горле – возможно, из-за сильных рвотных спазмов. В бронхах и трахее – бронхиальная секреция. Легкие нашей покойницы – типичные легкие утонувшего человека, они наполнены водой, тяжелее обычного и… да.

Оба замолчали. Комиссар услышал скребущий звук – как будто что-то ударилось о железную опору – и спросил:

– Ты что-то хотел?

– Да.

– Может, расскажешь?

– У нее в моче повышенное содержание тетрагидроканнабинола.

– Марихуана?

– Да.

– Но не от этого же она умерла.

– Не от этого, – спокойно ответил Нолен. – Просто я подумал, что ты как раз пытаешься реконструировать развитие событий… и что в головоломке есть неизвестная тебе небольшая деталь.

– Погибшую звали Пенелопа Фернандес.

– Очень приятно, – буркнул Нолен.

– Что-нибудь еще нашел?

– Нет.

Нолен засопел в трубку.

– Ну, говори, – подбодрил его Йона.

– Понимаешь, это не обычная смерть.

Нолен замолчал.

– Так что же ты нашел?

– Ничего. Но у меня есть ощущение…

– Браво, – похвалил Йона. – Моя школа.

– Ну да, звучит глупо, я знаю, но… То есть ясно, что речь идет о *mors subita naturalis*, совершенно естественной смерти… Но если это и естественная смерть, то это весьма странная естественная смерть.

Разговор закончился, однако слова Нолена *mors subita naturalis* засели у Йоны в голове. В смерти Пенелопы Фернандес было что-то загадочное. Ее тело не просто кто-то заметил в воде и поднял на борт яхты. Она лежала на палубе. Разумеется, можно предположить, что обнаруживший девушку человек хотел позаботиться о ней. Но в таком случае он отнес бы ее в салон и положил на диван.

Единственно возможным комиссару представлялось следующее: о женщине позаботился кто-то, кто любил ее, кто хотел уложить несчастную в ее собственную каюту, в ее собственную кровать.

Но ведь она сидела на кровати. Сидела.

Может быть, Нолен ошибся? Может быть, она была еще жива, когда ее подняли на борт? А потом кто-то отнес или отвел ее в каюту… Допустим, легкие женщины серьезно пострадали и помочь ей было уже невозможно. Она почувствовала себя плохо, захотела прилечь, и ее не стали тревожить.

Но почему ее одежда не была мокрой, почему не было воды на теле?

Здесь есть душевая с пресной водой, вспомнил Йона и решил обследовать яхту до конца, заглянуть в каюту на корме, в ванную и кухню. Многое еще предстояло ввести в уравнение, прежде чем что-то станет вырисовываться.

Эрикссон поднялся и сделал несколько шагов; яхта закачалась под тяжестью его огромного тела.

Йона еще раз заглянул в салон через стеклянную дверь, и снова его взгляд наткнулся на ведро с веревкой. Оно стояло возле цинковой бадьи для стирки, в которую кто-то сунул гидрокостюм. Возле поручней лежали водные лыжи. Комиссар заставил себя взглянуть на

ведро. Посмотрел на веревку, узлом завязанную на ручке. Круглый край бадьи сверкал на солнце, сиял, как серп луны.

Вдруг Йону осенило. Он понял все с ясностью, от которой бросило в дрожь. Комиссар подождал, пока сердце перестанет колотиться, и еще раз прокрутил в уме всю цепочку событий. Теперь он точно знал, что прав.

Женщина, которую идентифицировали как Пенелопу Фернандес, захлебнулась в стиральной бадье.

Перед глазами у Йоны возникла изогнутая отметина на ее теле, которую он заметил в прозекторской и которая так напоминала улыбающийся рот.

Женщину убили и посадили на кровать в ее каюте.

Мысли побежали быстрее, в кровь хлынула адреналиновая волна. Женщину утопили в соленой морской воде и перенесли на кровать.

Необычное убийство, необычный убийца.

В голове у комиссара зазвучал странный голос, торопливый и настойчивый. Голос все быстрее и громче повторял два слова: уходи с яхты, уходи с яхты.

Йона посмотрел в окно на Эрикссона. Тот сунул ватную палочку в пакетик, заклеил его и пометил шариковой ручкой.

– Ку-ку, – улыбнулся Эрикссон.

– Сходим на землю!

– Я не люблю лодки, они все время качаются. Но я только начал…

– Прервись ненадолго, – жестко перебил Йона.

– Да что с тобой?

– Пошли, пошли. И не притрагивайся к мобильнику.

Они сошли на пристань, и Йона отвел Эрикссона подальше от яхты. Он ощущал тяжесть в ногах, чувствовал, как пылают щеки и по телу растекается спокойствие.

– На борту может быть бомба, – негромко сказал он.

Эрикссон присел на край бетонного цоколя. По лбу толстяка струился пот.

– Ерунду болтаешь.

– Это необычное убийство. Есть риск…

– Убийство? С чего вдруг убийство?

– Дослушай. Я уверен, что Пенелопу Фернандес утопили в бадье, которая стоит на палубе.

– Утопили? Ты чего несешь?

– Она захлебнулась морской водой, которая была в бадье, а потом ее посадили на кровать. И я думаю, что по плану преступника яхта должна была затонуть.

– Но…

– И тогда… и тогда Фернандес должны были найти в затопленной каюте с водой в легких.

– Но яхта же не затонула, – удивленно возразил Эрикссон.

– Вот поэтому я и подумал, что на борту может быть взрывное устройство, которое по какой-то причине не сработало.

– Скорее всего, оно заложено в топливном баке или газовых трубах на кухне, – медленно сказал Эрикссон. – Надо оцепить район и вызвать саперов.

13
Следственный эксперимент

В семь часов вечера пятеро серьезных мужчин встретились в кабинете номер тринадцать отделения судебной медицины Каролинского института. Комиссар уголовной полиции Йона Линна собирался расследовать смерть женщины, найденной на яхте в Стокгольмских шхерах. Была суббота, однако он пригласил на следственный эксперимент своего непосредственного начальника Петтера Неслунда и прокурора Йенса Сванейельма. Комиссар хотел убедить их, что расследовать придется именно убийство.

Лампа дневного света на потолке мигала, и на ослепительно-белых кафельных стенах подергивался холодный свет.

– Надо поменять выключатель, – тихо сказал Нолен.

– Надо, – согласился Фриппе.

Стоящий у стены Петтер Неслунд что-то буркнул. Его широкое, с крупными чертами лицо как будто подрагивало в мигающем свете лампы. Рядом с ним ждал прокурор Йенс Сванейельм – на молодом лице застыло раздраженное выражение. Он словно обдумывал, насколько это рискованно – поставить кожаный портфель на пол и прислониться к стене плечом опрятного костюма.

В помещении стоял сильный запах дезинфекции. Яркие лампы освещали мойку из нержавеющей стали с двумя кранами и глубокой раковиной. На полу – светло-серое пластиковое покрытие. Цинковая бадья, похожая на ту, что была на яхте, уже наполовину полна. Йона Линна наливал в ведро воду из крана, вделанного в стену возле слива, и выливал в бадью. Ведро за ведром.

– Когда на яхте находят утонувшего, это не обязательно преступление, – нетерпеливо сказал Сванейельм.

– Точно, – подтвердил Петтер.

– Может быть, это несчастный случай, о котором еще не заявили, – развил свою мысль прокурор.

– Вода в легких – та же самая, по которой плыла яхта, но ее нет ни на одежде, ни на теле, – пояснил Нильс Олен.

– Странно, – сказал Сванейельм.

– Этому обязательно найдется рациональное объяснение, – улыбнулся Петтер.

Йона вылил в бадью последнее ведро, поставил его на пол, потом разогнулся и поблагодарил четверку за то, что они нашли время прийти.

– Я знаю, что сегодня выходной и всем хочется домой, – сказал он. – Но мне кажется, я кое-что обнаружил.

– Ты сказал, что это важно. Естественно, мы пришли. – Сванейельм все-таки поставил свой портфель на пол, между ног.

– Преступник поднялся на борт прогулочной яхты, – начал Йона. – Спустился по лестнице в форпик, где спала Пенелопа Фернандес. Вернулся на корму, взял ведро с веревкой и стал наполнять бадью на корме.

– Пять-шесть ведер, – вставил Петтер.

– Когда бадья наполнилась, он спустился вниз и разбудил Пенелопу. Вытащил ее на палубу и утопил в бадье.

– Кто мог это сделать? – спросил Сванейельм.

– Пока не знаю. Какие-нибудь садисты, пытка водой…

– Месть? Ревность?

Комиссар склонил голову набок и задумчиво сказал:

– Это не простой убийца. Возможно, преступник хотел получить от жертвы какую-то информацию, заставить ее что-то рассказать или в чем-то признаться – перед тем как в последний раз макнуть ее головой в бадью и держать, пока у жертвы не кончится воздух в легких и она не сделает инстинктивный вдох.

– Что скажет главный патологоанатом? – спросил Сванейельм.

Нолен покачал головой:

– Если ее утопили… Тогда я должен был бы найти следы насилия на теле – синяки и…

– Давайте пока подождем с возражениями, – перебил Йона. – Я бы хотел показать вам, как я вижу преступление, как оно произошло. А потом мы все вместе осмотрим тело и увидим, подтверждается ли моя теория доказательствами.

– Почему ты все делаешь не по-людски? – поинтересовался Петтер.

– Еще немного – и мне надо будет идти, – предупредил прокурор.

Комиссар взглянул на него – в светлых глазах блеснул лед. В уголке рта появилась улыбка – улыбка, которая никак не вязалась с серьезным взглядом.

– Пенелопа Фернандес, – начал он, – сидела на корме и курила марихуану. День был жаркий; ее разморило, она спустилась отдохнуть и уснула, не сняв джинсовую куртку.

Он махнул юному ассистенту Нолена, ждавшему у дверей.

– Фриппе обещал помочь мне с экспериментом.

Фриппе, широко улыбаясь, шагнул вперед. Черные крашеные волосы колтунами свисали на спину, потертые кожаные штаны украшали заклепки. Он тщательно застегнул джинсовую куртку, надетую поверх черной футболки с эмблемой рок-группы «Европа».

– Смотрите, – мягко предложил Йона. Одной рукой он захватил рукава куртки, заведя Фриппе руки за спину, а другой крепко взял его за волосы. – Теперь я полностью контролирую движения Фриппе – а на его теле не появится ни единого синяка.

Йона еще сильнее стиснул руки молодого человека. Фриппе охнул и согнулся.

– Потише, – засмеялся он.

– Ты, конечно, крупнее жертвы, но я все же смогу сунуть тебя головой в бадью.

– Осторожнее, – предупредил Нолен.

– Я только попорчу ему прическу.

– Ничего, – улыбнулся Фриппе.

Началась молчаливая, с сопением, борьба. Нолен выглядел встревоженным, Сванейельм – озабоченным. У Петтера вырвалось тихое ругательство. Без особых усилий комиссар макнул Фриппе головой в бадью, немного подержал под водой, выпустил и отступил назад. Фриппе, пошатываясь, выпрямился, и Нолен поспешил к нему с полотенцем.

– Достаточно было описать словами, – недовольно заметил он.

Когда Фриппе вытерся, все в молчании перешли в соседнюю комнату. В прохладном воздухе плыл тяжелый запах разложения. Одну стену занимали расположенные в три яруса холодильные камеры из нержавеющей стали. Нолен открыл камеру номер шестнадцать и вытащил ящик. На узком поддоне лежала молодая женщина. Обнаженное тело стало бесцветным, вокруг шеи – коричневая сетка кровеносных сосудов. Йона указал на тонкую выгнутую линию над грудью покойницы и сказал Фриппе:

– Сними футболку.

Фриппе расстегнул куртку и стащил с себя футболку. На его груди виднелась светло-розовая отметина от края бадьи – выгнутая линия, похожая на радостно улыбающийся рот.

– Вот черт, – сказал Петтер.

Нолен подошел поближе и осмотрел шею убитой. Потом взял фонарик и направил луч на бледную кожу под волосами.

– Вижу без микроскопа – кто-то крепко держал ее за голову.

И он засунул фонарик в карман своего медицинского халата.

– Иными словами… – подсказал Йона.

– Иными словами, тут ты безусловно прав, – признал патологоанатом и поаплодировал.

– Убийство, – вздохнул прокурор.

– Впечатляет, – заметил Фриппе и стер со щеки потек черной краски.

– Спасибо, – с отсутствующим видом поблагодарил комиссар.

Нолен вопросительно взглянул на него:

– Ты еще что-то увидел?

– Это не она.

– Что?

Комиссар встретился взглядом с Ноленом, а потом указал на тело.

– Это не Пенелопа Фернандес, это кто-то другой, – сказал он и посмотрел в глаза прокурору. – Убитая – не Пенелопа. Я видел ее водительские права и уверен, что это не она.

– Но как же…

– Возможно, Пенелопа Фернандес тоже мертва. Однако в таком случае нам еще предстоит найти ее.

14
Вечеринка

Сердце было готово выскочить из груди. Пенелопа пыталась дышать тихо, но воздух со свистом рвался в горло. Пенелопа сползла по неровной скале, ободрав влажный мох, пролезла через густой ельник. Ее трясло от страха. Пенелопа сама слышала, как постанывает, думая о Виоле. Бьёрн тихо сидел в темноте под ветками, обхватив себя за плечи, и время от времени что-то бормотал.

Они бежали в панике, не глядя по сторонам, спотыкались, падали, поднимались, перелезали через поваленные деревья, ранили колени и руки, но все же бежали все дальше и дальше.

Пенелопа не знала, далеко ли их преследователь, видит ли он их или решил пока прекратить гонку и затаиться.

Они бежали, но Пенелопа понятия не имела – почему. Она не понимала, почему их преследуют как дичь.

Наверное, все это – просто ошибка, думала она. Чудовищная ошибка.

Скачущий пульс выровнялся.

Пенелопу замутило, чуть не вырвало. Стало тяжело глотать.

– О боже, боже, – повторяла она, – что же это? Нам обязательно помогут. Скоро яхту найдут, полиция начнет искать нас…

– Ш-ш-ш, – прошипел Бьёрн, испуганно вытаращив глаза.

У Пенелопы дрожали руки. В мозгу одна за другой проносились разные картины. Она зажмурилась, чтобы не видеть их, затем попыталась сосредоточить взгляд на своих белых кроссовках, на коричневых сосновых иголках на земле, на грязных, ободранных до крови коленях Бьёрна, но образы все же пробивались: убитая Виола сидит на кровати, широко раскрыв глаза, с непроницаемым взглядом; лицо у нее смутно-белое и влажное, мокрые волосы висят сосульками.

Там, на яхте, Пенелопа каким-то образом поняла, что мужчина, стоявший на берегу и подзывавший Бьёрна, убил ее сестру. Она почувствовала это, сцепила детали в единое целое и мгновенно осознала смысл увиденного. Их обоих могут вот-вот убить.

И Пенелопа стала звать Бьёрна. Они потеряли время, все происходило слишком медленно, и еще она поранила Бьёрна острием багра, прежде чем сумела поднять его на борт.

Надувная лодка обогнула шхеру Стура Кастшер и, увеличив скорость, вышла в спокойное открытое море.

Пенелопа направила яхту прямо к старому деревянному причалу, дала задний ход и заглушила мотор, когда нос врезался в опору. Яхта с треском завалилась набок, и они в панике покинули судно, не успев захватить даже телефоны. Пенелопа поскользнулась на склоне холма, оперлась на руку, обернулась и увидела, как человек в черном поспешно подвел свою резиновую лодку к причалу.

Пенелопа с Бьёрном побежали в ельник, бок о бок, огибая деревья, обегая темные камни. Бьёрн вскрикивал, когда его голые ноги наступали на острые ветки.

Пенелопа тянула его за собой, преследователь не отставал от них.

Оба ни о чем не думали, не имели плана – просто бежали сломя голову, путаясь в густом папоротнике и кустиках черники.

На бегу Пенелопа плакала и сама слышала свой плач. Плакала – и не узнавала своего голоса.

Толстая ветка больно хлестнула ее по ноге, пришлось остановиться. У Пенелопы перехватило дыхание, она захныкала, дрожащими руками отвела ветку и увидела чуть позади Бьёрна. Боль отдалась в бедре. Пенелопа двинулась дальше, снова побежала и не оборачиваясь углубилась в густой лес.

С мыслями охваченного паникой человека что-то происходит. Паника не постоянна – время от времени она уступает место доводам разума. Как будто в голове выключают шум и в установившейся тишине человек мгновенно осознает ситуацию. Потом снова накатывает страх, мысли возвращаются в ту же колею и начинают носиться по кругу. Хочется только бежать, чтобы оказаться как можно дальше от преследователя.

Пенелопа надеялась, что они обязательно наткнутся на какую-нибудь компанию – вечером на острове Орнё должно быть полно народу. Надо добраться до домов на юге острова; там им с Бьёрном помогут, дадут телефон, вызовут полицию.

Они было спрятались в густом кустарнике, но очень скоро невыносимый страх погнал их дальше.

Пенелопа бежала, снова чувствуя присутствие черного человека, ей казалось, что она слышит его длинные быстрые шаги. Она знала, что он-то не останавливался ни на минуту. Если они не найдут помощи, не доберутся до людей, он настигнет их.

Снова холм; из-под ног вниз по склону посыпались камешки.

Они должны встретить людей, где-то поблизости должны быть дома. У Пенелопы началась истерика. Хотелось остановиться и кричать, просто звать на помощь, но Пенелопа заставила себя бежать дальше, вверх.

Позади закашлялся Бьёрн, тяжело задышал, опять закашлялся.

А что, если Виола не умерла? Что, если ей нужна была помощь? Страх сдавил Пенелопе виски. Она поняла, что думает так, потому что правда была слишком страшной. Пенелопа знала, что сестра мертва, но эта мысль была невыносимой, от нее словно разливалась непроглядная тьма. Пенелопа не хотела ничего понимать, не могла, не хотела даже пытаться понять.

Беглецы снова карабкались по крутому склону, между густых сосен, камней и ягодных кустиков. Опираясь на руки, Пенелопа забралась на вершину. Бьёрн поднялся следом; он пытался что-то сказать, но запыхался и просто потянул ее за собой. Лес по ту сторону холма выходил к западному берегу острова. Между темными деревьями виднелась светлая полоска воды. До нее было недалеко, и они бросились бежать к морю. Пенелопа поскользнулась и поехала вниз, упала и больно ударилась о землю, стукнулась ртом о колено, отдышалась и закашлялась.

Она попыталась подняться, надеясь, что ничего не сломала, и вдруг услышала музыку, громкие голоса и смех. Опираясь о влажную землю, Пенелопа встала, вытерла губы, посмотрела на кровь на запястье.

Бьёрн потянул ее за руку и показал куда-то пальцем: там была вечеринка. Пенелопа и Бьёрн взялись за руки и побежали на звук. Между темных деревьев виднелись ряды разноцветных лампочек, развешанных на веранде.

Они перешли на шаг, присматриваясь.

Возле красивого красного домика на берегу стоял стол, за которым сидели люди. Небо было светлым, однако Пенелопа понимала, что уже полночь. Ужин давным-давно закончился, но кофейные чашки, десертные тарелки и пустые миски все еще стояли на столе.

Люди за столом пели, разговаривали, наливали в бокалы красное вино из пакетов. Над грилем еще дрожал горячий воздух. Дети, наверное, спали в доме, накрывшись пледами. Сидящие за столом показались Пенелопе и Бьёрну существами из другого мира. Их лица были светлыми и спокойными. Дружба окружала их, как стеклянный купол.

Только один человек был вне этого круга. Он стоял чуть поодаль, повернувшись к лесу, как будто ждал гостей. Пенелопа вдруг замерла, вцепившись Бьёрну в руку. Они опустились на землю и поползли, прячась за низкими ветками. У Бьёрна был испуганный непонимающий вид. Преследователь угадал, куда они направятся, и добрался до домика раньше них. Он знал: беглецы не смогут устоять перед светом и звуками праздника – они, словно майские мушки, найдут путь сюда, – и поджидал их, следил за ними из-за темных деревьев, хотел встретить их на краю опушки. Человек в черном не боялся, что сидящие за столом услышат крики. Он понимал, что в такое время люди не рискнут углубиться в лес.

Когда Пенелопа нашла в себе силы оглянуться, он уже исчез. Ее трясло от избытка адреналина. А вдруг преследователь решил, что ошибся, подумала она и внимательно посмотрела по сторонам.

Может, он побежал в другом направлении.

Но едва Пенелопа подумала, что им с Бьёрном больше не надо ни от кого бежать и что они могут спуститься к людям и вызвать полицию, как снова заметила его.

Черный человек стоял возле дерева, недалеко от них.

Четким движением преследователь поднес к глазам черный бинокль с зеленоватыми линзами.

Пенелопа ползла рядом с Бьёрном, борясь с желанием вскочить и помчаться сломя голову. Она увидела, как человек в черном подносит оптику к глазам, и подумала, что это тепловая камера или прибор ночного видения.

Пенелопа опять взяла Бьёрна за руку и, согнувшись, потянула его за собой, прочь от дома и музыки, назад, подальше в лес. Через некоторое время она позволила себе выпрямиться. Теперь они бежали по склону к вершине, давным-давно закругленной ледником километровой толщины, некогда покрывавшим всю Северную Европу. Беглецы продрались сквозь густой кустарник, обогнули валун и оказались наконец на усыпанной острыми камнями вершине. Бьёрн тут же схватился за толстую ветку и осторожно поехал вниз. Сердце Пенелопы отчаянно колотилось, мышцы ног дрожали, она пыталась дышать тихо, но слишком запыхалась. Она тоже съехала по жесткой неровной скале, таща за собой мох и блошник, и оказалась перед густым ельником. На Бьёрне были только купальные трусы до колен; его лицо стало бледным, а губы почти побелели.

15
Опознание

Под окном главного патологоанатома Нильса Олена кто-то бросал мячик о стену. Олен и комиссар уголовной полиции Йона Линна в молчании ждали Клаудию Фернандес. Этим ранним воскресным утром ее пригласили в прозекторскую на опознание убитой.

Когда Йона позвонил Клаудии и произнес: «Боюсь, ваша дочь Виола скончалась», та на удивление спокойно ответила:

– Это невозможно, Виола сейчас в шхерах со своей сестрой.

– На яхте Бьёрна Альмскуга?

– Да, я сама сказала ей позвонить Пенелопе и спросить, нельзя ли ей отправиться с ними. Я подумала, что девочке нужно немного развеяться.

– На яхте был кто-нибудь еще?

– Бьёрн, конечно.

Комиссар молчал несколько секунд, пытаясь справиться с тяжестью в душе. Потом кашлянул и негромко сказал:

– Клаудия, вам надо приехать в отделение судебной медицины в Сольне.

– Зачем?

…И вот Йона сидел на неудобном стуле в кабинете главного патологоанатома. Нолен прикрепил маленькую фотокарточку Фриппе на рамку своей свадебной фотографии. Вдалеке слышались удары мяча о стену, гулкие и одинокие. Йона вспомнил, как изменилось дыхание Клаудии, когда она начала понимать, что ее дочь, возможно, погибла. Йона осторожно изложил ей обстоятельства: что женщину – ее младшую дочь, как они опасаются, – нашли мертвой на брошенной в Стокгольмских шхерах яхте.

В Густавсберге Клаудия Фарнандес уже села в заказанное такси. Через несколько минут она будет на опознании.

Нолен сделал вялую попытку завести легкую беседу, но сдался, поняв, что комиссар даже не собирается отвечать.

Обоим нестерпимо хотелось, чтобы все закончилось как можно скорее. Во время опознания всегда наставал один беспощадный момент. При виде трупа рушились последние надежды, и невыносимую легкость неизвестности уносил ураган боли.

В коридоре послышались шаги. Комиссар и патологоанатом одновременно встали со стульев.

При виде мертвого тела родственника человек получает неумолимое подтверждение своих худших опасений. Но в то же время это – важный, необходимый момент в работе скорби. Йона много читал о том, что опознание приносит своего рода освобождение. Конец безумным надеждам на то, что любимый человек жив, – надеждам, после которых остаются лишь пустота и разочарование.

Но все это – слова и ничего больше, подумал Йона. Смерть страшна и ничего не отдает назад.

Клаудия Фернандес, женщина лет шестидесяти, остановилась в дверях.

Она выглядела испуганной. На лице следы рыданий и тревоги; женщина сутулилась и держалась скованно.

Йона приветливо сказал:

– Здравствуйте, меня зовут Йона Линна. Я комиссар уголовной полиции, мы говорили с вами по телефону.

Нолен едва слышно представился, коротко пожал женщине руку и тут же повернулся спиной, притворившись, что роется в папках. Он производил впечатление человека брюзгливого и недоброжелательного, но комиссар знал, что на самом деле ему сейчас очень тяжело.

– Я звонила, но мои девочки не отвечают, – прошептала Клаудия. – Они…

– Ну что, идемте? – перебил Нолен, словно не слыша ее последних слов.

Они молча двигались по знакомым коридорам. С каждым шагом комиссару как будто становилось труднее дышать – не хватало воздуха. Клаудия Фернандес не спешила навстречу приближающемуся моменту. Она шла медленно, на несколько метров отстав от Нолена, чья долговязая угловатая фигура торопливо двигалась перед ними. Йона попробовал улыбнуться Клаудии, но, встретив ее взгляд, прогнал улыбку. Паника, мольба, попытка договориться с Господом.

Они будто бы втащили Клаудию в холодное помещение, где хранились трупы.

Нолен что-то недовольно проворчал и нагнулся, чтобы отпереть ячейку и выкатить ящик из нержавеющей стали.

Показалось тело молодой женщины, накрытое белой простыней. Тусклые глаза полузакрыты, щеки запали.

Волосы черным венком лежали на красивой голове.

Маленькая бледная кисть покоилась возле бедра.

Клаудия быстро задышала. Она подалась вперед, осторожно тронула руку и тихо, жалобно застонала. Глубокий стон, словно в этот момент она сломалась, словно у нее разорвалась душа.

Клаудия затряслась всем телом, упала на колени, прижала безжизненную руку дочери к губам и зарыдала:

– Нет, нет… Боже, милостивый Боже, не Виола. Не Виола…

Йона встал у нее за спиной. Плечи Клаудии тряслись от плача, отчаянные рыдания становились все громче, потом понемногу утихли.

Клаудия вытерла слезы и поднялась с пола, прерывисто дыша.

– Вы можете подтвердить, что это она? – сухо спросил Нолен. – Что перед нами Виола…

Голос у него прервался. Нолен сердито прокашлялся.

Клаудия кивнула и осторожно дотронулась кончиками пальцев до щеки дочери.

– Виола, Виола…

Она отвела дрожащую руку, и Йона медленно произнес:

– Пожалуйста, примите мои искренние соболезнования.

Клаудия готова была упасть, но оперлась о стену, повернулась к комиссару и прошептала:

– В субботу мы собираемся в цирк, это мой сюрприз Виоле…

Они посмотрели на убитую, на ее бледные губы, кровеносные сосуды на шее.

– Я забыла, как вас зовут, – потерянно сказала Клаудия и взглянула на Йону.

– Йона Линна.

– Йона Линна, – протяжно повторила женщина. – Я расскажу вам о Виоле. Она моя младшая девочка, моя маленькая, моя…

Клаудия взглянула на белое лицо Виолы и покачнулась. Нолен подвинул стул, но женщина лишь помотала головой.

– Простите, – сказала она. – Это из-за того, что… моя старшая дочь, Пенелопа… ей пришлось повидать много ужасного в Сальвадоре. Когда я думаю о том, что со мной делали в тюрьме, когда вспоминаю, как Пенелопа боялась, как она плакала и звала меня… часами напролет, но я не могла ей ответить, не могла защитить ее…

Клаудия взглянула Йоне в глаза, шагнула к нему, и он осторожно приобнял ее за плечи. Она прижалась лицом к его груди, тяжело вздохнула, отошла, избегая смотреть на мертвую дочь, нашарила спинку стула и села.

– Моя гордость… я так гордилась тем, что малышка Виола родилась в Швеции. У нее была прелестная комнатка с розовой лампой, с игрушками и куклами, она ходила в школу, смотрела фильмы про Пеппи Длинныйчулок… Не знаю, поймете ли вы, но я гордилась тем, что ей не пришлось голодать или бояться. Не то что нам… мне и Пенелопе. Мы-то просыпались по ночам, готовые к тому, что кто-нибудь придет и обидит нас.

Она помолчала, а потом прошептала:

– Виола всегда так радовалась жизни…

Клаудия согнулась, закрыла лицо руками и тихо заплакала. Комиссар ласково положил руку ей на плечо.

– Я пойду, – сказала она, все еще плача.

– Не надо спешить.

Клаудия было успокоилась, но потом ее лицо снова исказилось от плача.

– Вы говорили с Пенелопой? – спросила она.

– Нам не удалось связаться с ней, – тихо произнес комиссар.

– Я сказала вам, что звонила?..

У нее прервался голос. Лицо снова побледнело, и Клаудия взглянула на комиссара.

– Я просто подумала, что она не хочет отвечать на мои звонки, потому что я… я… я сказала отвратительное, но я совсем не хотела, не хотела…

– Мы уже начали поиски Пенелопы и Бьёрна Альмскуга с вертолета, но…

– Пожалуйста, скажите, что она жива, – прошептала Клаудия. – Скажите это, Йона Линна!

Комиссар стиснул зубы, погладил Клаудию по плечу:

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы…

– Она жива, скажите это, – перебила Клаудия. – Она должна быть жива.

– Я найду ее. Обещаю.

– Скажите, что Пенелопа жива!

Йона неуверенно молчал. Потом взглянул в темные глаза Клаудии; в голове вихрем пронеслись мысли, мысли мгновенно сложились в комбинации, и вдруг он услышал свой собственный голос:

– Она жива.

– Жива, – прошептала Клаудия.

Комиссар опустил глаза. Он уже не понимал, что заставило его изменить себе и сказать Клаудии, что ее старшая дочь жива.

16
Ошибка

Комиссар проводил Клаудию Фернандес до ожидавшего ее такси, помог сесть, постоял на разворотном круге, пока машина не исчезла из вида, и только потом принялся рыться в карманах в поисках телефона. Поняв, что где-то забыл его, он поспешил назад в отделение судебной медицины, вошел в кабинет Нолена, схватил телефон с подставки, уселся в кресло у стола, набрал номер Эрикссона и подождал гудка.

– Дай же людям поспать, – пробурчал Эрикссон. – Воскресенье сегодня.

– Признавайся, ты на яхте.

– Я на яхте, – признался Эрикссон.

– Значит, взрывчатки не было.

– В обычном смысле – не было, но ты прав. Яхта могла взорваться в любой момент.

– А точнее?

– Изоляция проводов основательно повреждена, как будто специально… контакта с металлом нет, тут все безопасно, но провода голые… при запуске мотора очень скоро возник бы избыток зарядов… и электрические дуги.

– И что тогда?

– У этих дуг температура выше трех тысяч градусов. Из-за них должно было загореться сиденье старого стула, которое кто-то туда запихал. А потом огонь добрался бы до топливного шланга…

– Мгновенное возгорание?

– Ну да… образование дугового заряда может занять минут десять, может чуть дольше… но потом все должно было произойти очень быстро – огонь, еще огонь, взрыв, яхта почти тут же наполнится водой и затонет.

– То есть пожар и взрыв должны были произойти почти сразу после запуска мотора?

– Да. Но специально подстраивать было ничего не нужно.

– Значит, провода могли испортиться случайно? И сиденье тоже попало туда случайно?

– Ну да.

– Но ты ведь так не думаешь? – усмехнулся Йона.

– Нет.

Комиссар подумал о яхте, обнаруженной, когда она дрейфовала в заливе Святой Девы, кашлянул и задумчиво сказал:

– Если убийца сделал такое…

– …то это необычный убийца, – закончил за него Эрикссон.

Йона несколько раз повторил эти слова про себя. Им приходится иметь дело с необычным убийцей. Обычные убийцы действуют в состоянии аффекта, даже если спланировали преступление заранее. Деяние подразумевает сильные чувства, и убийство всегда несет отпечаток истерии. Окончательный план начинает оформляться уже потом, и тогда преступник пытается скрыть следы и обеспечить себе алиби. Но в этот раз у преступника, кажется, с самого начала была точно рассчитанная стратегия.

И все же он допустил ошибку.

Комиссар взял блокнот Нолена и решительно написал «Виола Фернандес». Обвел имя кружком, ниже написал «Пенелопа Фернандес» и «Бьёрн Альмскуг». Женщины – сестры. Пенелопа и Бьёрн состоят в близких отношениях. Бьёрн – владелец яхты. В последний момент Виола спросила, можно ли ей отправиться с ними.

Выявить мотив убийства будет нелегко. Комиссар помнил о своей недавней мысли – «Пенелопа Фернандес жива». Он решил так не потому, что на что-то надеялся, и не потому, что хотел подарить утешение. К тому же это было не более чем ощущение; мысль вильнула хвостом и пропала.

Если придерживаться следственных методов Комиссии, подозрение должно сразу пасть на приятеля Виолы и, возможно, на Пенелопу и Бьёрна, так как они находились на яхте. Следовало учитывать алкоголь и наркотики. Возможно, они поссорились – тяжелая драма ревности. Лейф Г. В. Перссон[12] скоро будет восседать в телестудии и рассказывать, что убийца – кто-то из близкого окружения Виолы, возможно – приятель или бывший приятель.

Йона подумал о намерении преступника устроить взрыв и пожар и попытался уловить его логику. Преступник утопил Виолу в бадье на корме яхты, отнес девушку вниз и посадил на кровать.

Мыслям стало тесно. Комиссар подумал, что пора притормозить и решить для себя, что известно наверняка, а на какие вопросы пока нет ответа.

Он еще раз обвел имя Виолы и начал сначала.

Известно, что Виолу Фернандес утопили в стиральной бадье и поместили на кровать в форпике и что Пенелопу Фернандес и Бьёрна Альмскуга пока не нашли.

Но это еще не все, сказал он себе и начал новый лист.

Детали.

Комиссар написал в блокноте: «Штиль».

Стоял штиль. Когда яхту обнаружили, она дрейфовала мимо Кастшера.

У судна был поврежден нос – как после довольно сильного столкновения. Эксперты уже сняли отпечатки и проверили их.

Йона швырнул блокнот Нолена в стену, закрыл глаза и прошептал:

– *Perkele*[13].

Что-то снова ускользнуло от него – что-то, что уже было у него в руках. Он почти поймал главное, что-то почувствовал, почти понял, но снова потерял мысль.

Виола, думал комиссар. Ты умерла на корме яхты. Зачем тебя после смерти перенесли на нос? Кто перенес тебя? Убийца или кто-то другой?

Тот, кто нашел ее бездыханное тело, мог бы попытаться вернуть ее к жизни, мог позвонить в службу *SOS Alarm* – так обычно и поступают. А если этот человек понял, что она мертва, что уже слишком поздно и девушка не оживет, тогда он, наверное, не оставил бы ее лежать на палубе, отнес бы тело вниз и накрыл пледом. Но нести покойника тяжело и неудобно, даже если несут двое. Отнести же погибшую в салон не составило бы труда. Потребовалось бы преодолеть расстояние всего в пять метров – пройти в стеклянные двери и спуститься по лестнице.

С этим можно справиться и это можно сделать, поддавшись порыву.

Но никто не потащил бы труп вниз по крутой лестнице, по узкому коридору и не стал бы усаживать тело на кровать в каюте.

Это можно было сделать только с одной целью: чтобы женщину нашли на затопленной яхте захлебнувшейся в собственной каюте.

– Именно, – пробормотал комиссар и встал.

Он выглянул в окно, увидел иссиня-черного жука, ползущего по белой жести, увидел, как женщина на велосипеде исчезает между деревьями, и вдруг потерянная деталь головоломки встала на свое место.

Йона снова сел и побарабанил пальцами по столу.

---

[12] Автор популярных детективных романов.

[13] Черт *(фин.)*.

Не Пенелопу они нашли убитой на яхте, а ее сестру Виолу. Которую обнаружили не на ее собственной кровати и не в ее собственной каюте, а в форпике, на кровати Пенелопы.

Убийца мог допустить ту же ошибку, что и я, подумал Йона и передернул плечами.

Он решил, что убил Пенелопу Фернандес.

Вот почему он усадил ее на кровать в форпике.

Это – единственное объяснение.

И такое объяснение означает, что Пенелопа Фернандес и Бьёрн Альмскуг невиновны в гибели Виолы – не они усадили Виолу не на ту кровать.

Йона дернулся – дверь кабинета хлопнула. Спиной вперед ввалился Нолен. Он пятился, таща в руках большую длинную коробку. На передней стороне коробки пылало нарисованное пламя и значилось *Guitar Hero*.

– Мы с Фриппе начнем…

– Ш-ш, – перебил Йона.

– В чем дело? – осведомился Нолен. Комиссар быстро ответил:

– Ни в чем. Мне просто надо подумать.

Йона поднялся со стула и вышел, ничего больше не добавив. Он прошел через холл, не слыша, что говорит ему сияющая дежурная. Вышел на утреннее солнце и остановился на гравии парковки.

Некто не знакомый с сестрами убил Виолу, думая, что убил Пенелопу. Это значит, что когда Виола погибла, Пенелопа еще была жива, иначе бы он не сделал ошибки.

Может быть, вторая сестра еще жива, подумал Йона. А может, лежит мертвая где-нибудь в шхерах, на каком-нибудь острове или на дне морском. Надо надеяться на лучшее. Шансы на то, что она жива, велики, а если она жива, мы скоро ее найдем.

Йона широкими шагами двинулся к машине, еще не зная, куда поедет. Его телефон лежал на крыше автомобиля – должно быть, комиссар забыл его, когда запирал машину. Комиссар взял горячую от солнца трубку и позвонил Анье Ларссон. Никто не ответил. Йона сел в машину и пристегнул ремень безопасности, однако не тронулся с места. Он пытался обнаружить ошибку в своих рассуждениях.

Было душно, но густой яркий аромат сирени, росшей возле парковки, наконец прогнал из ноздрей запах брожения, оставшийся после прозекторской.

Телефон у него в руке зазвонил. Комиссар взглянул на дисплей и ответил.

– Я как раз говорила с твоим врачом, – сообщила Анья.

– Зачем? – удивился Йона.

– Януш говорит, что ты не явился на осмотр, – осуждающе продолжала она.

– У меня не было времени.

– Но лекарство-то ты принимаешь?

– Очень уж оно противное, – улыбнулся комиссар.

– А если серьезно… он звонил, потому что волнуется за тебя.

– Я поговорю с ним.

– Хочешь сказать – когда раскроешь это дело?

– У тебя есть бумага и ручка? – спросил Йона.

– А как же.

– Женщина, которую нашли на яхте, – не Пенелопа Фернандес.

– Ее зовут Виола, я знаю. Мне сказал Петтер.

– Хорошо.

– Ты ошибся, Йона.

– Да, я знаю…

– Скажи это вслух!

– Вечно я ошибаюсь, – тихо сказал комиссар.

Оба немного помолчали.

– На эту тему не шутят? – осторожно спросила Анья.

– Ты успела узнать что-нибудь насчет яхты и Виолы Фернандес?

– Виола и Пенелопа – родные сестры. Пенелопа и Бьёрн Альмскуг состоят в связи, или как там это называется, уже четыре года.

– Примерно так я и думал.

– Ах вот оно что! Мне продолжать – или это необязательно?

Йона не ответил. Он откинул голову на подголовник и заметил, что лобовое стекло покрыто пыльцой какого-то дерева.

– Они не собирались брать Виолу с собой, – продолжила Анья. – Утром Виола поссорилась со своим парнем, Сергеем Ярушенко, звонила матери и плакала. Именно мать попросила Пенелопу, чтобы она разрешила Виоле отправиться с ними на яхте.

– Что ты знаешь о Пенелопе?

– Ну, я в первую очередь занималась жертвой, Виолой Фернандес, потому что…

– Преступник думал, что убил Пенелопу.

– Погоди, Йона, как это?

– Он допустил ошибку. Хотел скрыть убийство, устроить так, чтобы убитая выглядела утонувшей, но посадил Виолу на кровать Пенелопы.

– Потому что думал, что Виола – это Пенелопа.

– Мне нужно знать все о Пенелопе Фернандес и ее…

– Она – мой кумир, – перебила Анья. – Активист борьбы за мир, живет на Санкт-Паульсгатан, номер три.

– Мы уже прогнали ее и Бьёрна Альмскуга через компьютерную сеть. Морские спасатели проверяют район возле Даларё, туда отправили два вертолета. Но спасателям надо бы скооперироваться с морской полицией, – заметил комиссар.

– Посмотрим, что получится.

– Плюс кто-то должен допросить парня Виолы и Билла Перссона, рыбака, который обнаружил ее на яхте. И еще надо получить отчет криминалистов об осмотре судна и поторопить лабораторию с результатами.

– Позвонить в Линчёпинг?

– Я поговорю с Эрикссоном, у него там знакомые. Все равно мне с ним сейчас встречаться – мы идем осматривать квартиру Пенелопы.

– Говоришь как руководитель предварительного следствия. Тебя уже назначили?

17
Опасный человек

Летнее небо выгнулось высоко, но воздух становился душным, как будто собиралась гроза.

Йона с Эрикссоном припарковались возле старого магазина рыболовных принадлежностей, в окне которого, как всегда, выставили фотографию рыбака, поймавшего на этой неделе самого большого лосося в Стокгольме.

Зажужжал телефон. Комиссар увидел, что звонит Клаудия Фернандес. Он отошел в тенек, к фасаду, нажал кнопку и услышал слабый голос:

– Вы сказали, что я могу позвонить.

– Конечно.

– Я понимаю, вы всем так говорите, но я подумала… моя дочь, Пенелопа. Я хочу сказать… мне нужно знать, нашли ли вы что-нибудь, даже если она…

Голос Клаудии прервался.

– Алло? Клаудия?

– Простите, – прошептала она.

– Я полицейский следователь… моя задача – понять, с каким преступлением мы имеем дело. Пенелопу ищут морские спасатели.

– Когда ее найдут?

– Начинают обычно с того, что обследуют район с вертолета… одновременно прочесывают местность, но это не занимает много времени… так что сначала вертолеты. – Объясняя, Йона слышал, как Клаудия пытается подавить рыдания.

– Я не знаю, что делать, я… мне нужно знать, могу ли я что-то сделать, может, поговорить с ее друзьями.

– Вам лучше всего оставаться дома. На случай, если Пенелопа попытается связаться с вами…

– Она мне не звонит, – перебила Клаудия. – Я всегда была слишком сурова с Пенни, сердилась на нее, не знаю почему… я… я не хочу потерять ее, я не могу потерять Пенни, я…

Клаудия заплакала в трубку, попыталась справиться с собой, торопливо извинилась и отсоединилась.

Дом номер три по Санкт-Паульсгатан, в котором жила Пенелопа, располагался прямо напротив магазина рыболовных принадлежностей. Йона пошел к Эрикссону, стоявшему возле витрины с японскими комиксами и картинками манга. На полках теснились сотни фигурок «Хелло, Китти», головастых кукол-кошек с невинными мордочками. Переливчатая витрина разительно контрастировала с грязно-бурым фасадом.

– Маленькое тельце и огромная голова, – прокомментировал Эрикссон, указывая на «Хелло, Китти», когда Йона подошел к нему.

– Очень мило, – пробормотал Йона.

– А у меня пропорции другие: большое тельце и маленькая голова, – пошутил Эрикссон.

Йона, улыбаясь, коротко глянул на него и открыл широкую дверь подъезда. Оба стали подниматься по лестнице, рассматривая таблички с фамилиями, сверкающие выключатели и мусоропроводные люки. На лестничной клетке пахло нагретой пылью и овощными очистками. Перила заскрипели – это Эрикссон ухватился за них, идя следом за Йоной. Наконец оба поднялись на третий этаж. У Эрикссона от напряжения дрожали щеки, он утер пот со лба, прошептав извиняющимся тоном:

– Мне так неловко.

– Сегодня душно.

Возле звонка были следы клея, эмблема борцов с ядерными станциями, логотип Справедливой торговли[14] и пацифистский знак. Йона коротко взглянул на Эрикссона; серые глаза сузились. Комиссар прижался ухом к двери и прислушался.

– Что там? – прошептал Эрикссон.

Йона позвонил, не переставая вслушиваться. Немного подождал, потом достал из внутреннего кармана футляр и осторожно вскрыл замок отмычкой, проговорив:

– Может, и ничего.

Комиссар открыл дверь, но как будто передумал входить и снова закрыл ее. Он, сам не зная почему, знаком велел Эрикссону остаться возле двери. Снаружи донесся сигнал машины, развозящей мороженое. У Эрикссона сделался встревоженный вид, эксперт провел ребром ладони по шее. Йона передернул плечами, однако открыл дверь и спокойно вошел в квартиру. Газеты, рекламные листовки и письмо из Партии левых на коврике в прихожей. Воздух застоявшийся, тяжелый. Перед платяным шкафом – бархатная занавеска. Что-то загудело в водопроводных трубах, защелкало под обоями.

Комиссар даже не знал, почему потянулся за оружием. Он коснулся пистолета, но доставать его из кобуры не стал. Взгляд скользнул по кроваво-красным занавескам, потом переместился в коридор. Сдерживая дыхание, комиссар пытался разглядеть предметы за волнистым стеклом двери, ведущей в гостиную.

Он шагнул вперед, но ему тут же захотелось покинуть квартиру; чутье подсказало, что нужно запросить подкрепление. За волнистым стеклом что-то темнело.

Латунные трубочки занавески-«дождика» покачивались без звона. Йона увидел, как пылинки в воздухе изменили направление, поплыли в другую сторону.

Он в квартире Пенелопы не один.

Сердце забилось быстрее. В комнате только что кто-то побывал. Комиссар перевел взгляд на кухонную дверь и быстро двинулся вперед. Скрипнул деревянный пол. Послышался ритмичный звук, похожий на быстрое пощелкивание. Дверь в кухню была полуоткрыта. Йона глянул в щель между дверными петлями и заметил движение. Он плотно прижался к стене. Кто-то ловко двигался в полутьме. Видно было только лопатку, плечо и руку. Фигура быстро приблизилась и развернулась. Йона успел заметить нож – как белый язык. Что-то косо мелькнуло снизу вверх. Угол оказался таким неожиданным, что комиссар не успел отбить удар. Острое лезвие распороло одежду, кончик уткнулся в пистолет. Комиссар попытался ударить нападавшего, но его рука скользнула в пустоту. Он услышал, как нож снова просвистел в воздухе, и бросился в сторону. На этот раз лезвие прошло точно снизу вверх. Йона ударился головой о дверь ванной. Увидел, как длинная щепка отделяется от дверного косяка: нож воткнулся в дерево. Йона чуть не упал, повернулся, наугад пнул нападающего и во что-то попал – кажется, в колено. Откатился в сторону, рванул из кобуры пистолет, одновременно сняв его с предохранителя. Входная дверь так и стояла открытой; с лестницы донеслись быстрые шаги – кто-то бежал вниз. Комиссар вскочил, бросился было за неизвестным, но остановился, услышав у себя за спиной громкий свист и шипение. Он мгновенно понял, что это, и метнулся в кухню. Микроволновая печь была включена. Слышалось потрескивание, за стеклом поднимались черные искры. Все четыре крана старой газовой плиты были открыты, и газ лился в помещение. Время вдруг понеслось с небывалой быстротой; Йона прыгнул к микроволновке. Прилежно тикал круглый таймер. Потрескивание усиливалось. В печке на стеклянном блюде крутился баллончик спрея от насекомых.

[14] Организация, отстаивающая справедливые стандарты международного трудового, экологического и социального регулирования.

Комиссар выдернул шнур из розетки; стало тихо, только из газовых конфорок доносилось монотонное шипение. Комиссар закрыл краны. От запаха химикатов мутило. Он открыл окно и внимательно посмотрел на баллончик в печи. Баллон раздулся и мог взорваться от малейшего прикосновения.

Комиссар покинул кухню и торопливо прошелся по квартире. Комнаты пусты, никого. Воздух все еще тяжелый от газа. На лестничной клетке возле двери сидел Эрикссон с сигарой в зубах.

– Не зажигай! – крикнул Йона.

Эрикссон улыбнулся и устало махнул рукой.

– Она шоколадная, – прошептал он.

Эрикссон тяжело закашлялся, и Йона вдруг увидел под ним лужу крови.

– Ты ранен!

– Ничего страшного. Не знаю как, но он порезал мне ахиллово сухожилие.

Йона вызвал «скорую помощь» и сел рядом с Эрикссоном. Тот был бледен, по щекам катился пот. Ему, видно, было очень плохо.

– Резанул прямо на ходу… набежал, как бешеный паук.

Оба замолчали, комиссар думал о молниеносных движениях за дверью и о том, как взлетело лезвие ножа, вспомнил дурноту, какой еще никогда не испытывал.

– Она в квартире? – просипел Эрикссон.

– Нет.

Эрикссон с облегчением улыбнулся, потом посерьезнел:

– Но он хотел тут все взорвать?

– Наверняка собирался избавиться от любых следов, которые могут привести к нему.

Эрикссон попытался развернуть шоколадку, но уронил ее и на мгновение зажмурился. Его щеки стали серо-белыми.

– Я понимаю, ты не рассмотрел его лица… – сказал Йона.

– Не рассмотрел, – слабо отозвался Эрикссон.

– Но что-то же мы видели. Невозможно ничего не видеть…

18
Пожар

Ребята из «скорой помощи» еще раз заверили Эрикссона, что не уронят его.

– Я могу идти сам, – сказал Эрикссон и закрыл глаза.

Когда его несли вниз, у него при каждом шаге санитаров дрожал подбородок.

Комиссар вернулся в квартиру Пенелопы Фернандес. Он открыл все окна, выветрил газ и уселся на удобный диван абрикосового цвета.

Если бы квартира взорвалась, то скорее всего все списали бы на утечку газа.

Йона знал: от него не ускользнул ни один момент, ничто из виденного не забылось. Надо только извлечь все это из глубин памяти, словно предметы с затонувшего корабля.

Но что же я видел?

Ничего. Только быстрые движения белого лезвия.

Вот что я видел, вдруг подумал Йона. Я видел ничего.

Он сказал себе: то, что он ничего не видел, как раз и подтверждает его предположение о необычном убийце.

Они имеют дело с профессиональным убийцей, ликвидатором-«гробом».

Эта мысль и раньше приходила комиссару в голову, но после встречи с противником Йона окончательно убедился в своей правоте.

Он был уверен – тот, кого он встретил в прихожей, и убил Виолу. Целью этого человека было убить Пенелопу, потопить яхту и представить все как несчастный случай. Тот же сценарий он собирался повторить и здесь, но его застали врасплох. Он хочет остаться невидимым, хочет обделать свои делишки, но скрыть их от полиции.

Комиссар медленно огляделся и стал сводить все увиденное в единое целое.

В верхней квартире дети катали по полу мячики. Если бы Йона не выдернул штепсель вовремя, они оказались бы в огненном аду.

Комиссар никогда еще не подвергался такому целенаправленному и опасному нападению. Теперь он знал точно: человек, находившийся в доме исчезнувшей активистки борьбы за мир Пенелопы Фернандес, не был озлобленным неприятелем из лагеря правых экстремистов. Эта публика, безусловно, виновна во многих актах изощренного насилия, но напавший на комиссара человек был прошедшим выучку специалистом, профессиональным убийцей из отряда, оставившего правоэкстремистские группировки далеко позади.

«Так что же ты здесь делал? – подумал Йона. – Что нужно ликвидатору от Пенелопы Фернандес, во что она замешана, что же на самом деле происходит?»

Он вспомнил непредсказуемые движения человека, мастерство, с каким тот управлялся с ножом. Такие асы умеют предвидеть обычные ответные удары – в том числе и те, каким учат в полиции и в армии.

Комиссара снова замутило – он представил, как нож вошел бы ему в печень, не виси у него на правом боку пистолет, а со вторым ударом лезвие вонзилось бы в темя, не отпрыгни он назад.

Йона поднялся с дивана и перешел в спальню. Осмотрел аккуратно застеленную постель, распятие над изголовьем.

Ликвидатор думал, что убил Пенелопу, и собирался представить ее смерть как несчастный случай.

Но яхта не затонула.

Вероятно, преступнику помешали или он покинул место преступления, чтобы вернуться потом и завершить начатое. Но он наверняка не рассчитывал, что морская полиция

обнаружит дрейфующую яхту с утопленницей на борту. Что-то пошло не так, либо планы злоумышленника внезапно поменялись – возможно, он получил новый приказ… так или иначе, но через сутки с лишним после убийства Виолы он оказался в квартире Пенелопы.

У тебя должно было быть очень веское основание посетить ее квартиру. Что заставило тебя пойти на такой риск? Было ли в квартире что-то, что связывает тебя или твоего заказчика с Пенелопой?

Ты что-то делал здесь, убирал отпечатки пальцев, стирал записи с жесткого диска, удалял сообщения с автоответчика или же что-то принес, думал Йона.

У тебя была какая-то цель, но, кажется, я помешал тебе.

Может, ты хотел уничтожить следы, устроив поджог?

Возможно.

Йона пожалел, что рядом нет Эрикссона. Без криминалиста он не сумеет исследовать место преступления, у него нет необходимого оборудования, он может повредить отпечатки, если начнет обследовать квартиру самостоятельно, может перемешать ДНК и оборвать невидимые ниточки.

Комиссар подошел к окну и посмотрел на улицу, на пустой тротуар перед закусочной.

Надо поехать в управление и поговорить с шефом, Карлосом Элиассоном, добиться, чтобы его, Линну, назначили руководителем следствия. Это единственный способ заполучить нового криминалиста, который поможет ему, пока Эрикссон в больнице.

Телефон Йоны ожил как раз в тот момент, когда комиссар решил, что немедленно поговорит с Карлосом, с Йенсом Сванейельмом и соберет небольшую следственную группу.

– Привет, Анья.

– Хочу попариться с тобой.

– Попариться?

– Да, давай вместе попаримся в бане? Покажешь мне настоящую финскую сауну.

– Анья, – осторожно сказал комиссар, – я почти всю жизнь живу в Стокгольме.

Он вышел в прихожую и двинулся к двери.

– Ты шведский финн, я знаю. – Анья не унималась. – Скукотища. Почему ты не родился, например, в Сальвадоре? Читал статьи Пенелопы Фернандес? Ты наверняка ее видел – на днях она по телевизору изругала всех шведских продавцов оружия.

Выходя из квартиры Фернандес, Йона слышал, как Анья дышит в трубку. Лестничная клетка была вся в кровавых следах. Затылок на миг сдавило, когда комиссар вспомнил, как Эрикссон сидел под дверью с широкой раной на ноге и как его лицо бледнело с каждой минутой.

Вероятно, ликвидатор решил, что убил Пенелопу Фернандес. Эту часть задания он выполнил. Другая часть состояла в том, чтобы зачем-то проникнуть в жилище Пенелопы. Если она еще жива, то надо скорее найти ее – профессионал быстро сообразит, что допустил ошибку, и возобновит охоту.

– Бьёрн и Пенелопа живут отдельно, – сообщила Анья.

– Я уже понял.

– Но и живя отдельно, люди любят друг друга. Совсем как мы с тобой.

– Угу.

Йона вышел на жгучее солнце. Воздух был тяжелым, духота все сгущалась.

– Продиктуешь адрес Бьёрна?

Послышались легкие щелчки – это пальцы Аньи забегали по клавиатуре.

– Альмскуг, Понтоньяргатан, сорок семь, второй этаж…

– Сначала поеду туда, а потом…

– Погоди, – вдруг сказала Анья. – Не выйдет. Послушай-ка, я проверила адрес… В пятницу в этом доме был пожар.

– Что с квартирой Бьёрна?
– Выгорел весь этаж.

19
Пейзаж, нарисованный пеплом

Комиссар поднялся по ступенькам и замер на пороге черной комнаты. Пол, стены и потолок были покрыты сажей. Резкий запах. От внутренних, не несущих, стен почти ничего не осталось. С потолка свисают черные сталактиты. Обугленные остатки балок торчат из пепельных барханов. Пейзаж, нарисованный пеплом.

Через дыру в настиле можно заглянуть в нижнюю комнату. Определить, где именно находилась квартира Бьёрна Альмскуга, теперь уже невозможно.

Зияющий оконный проем затянут фольгой. За окном – летний день и зеленый фасад на противоположной стороне улицы.

В пожаре в доме номер сорок семь по Понтоньяргатан не пострадал ни один человек. Это объяснялось тем, что когда бушевал огонь, большинство жильцов были на работе.

Первый тревожный звонок поступил в пять минут двенадцатого. Пожарная часть Кунгсхольмена находилась совсем рядом с горящим домом, но огонь распространялся с такой скоростью, что до приезда пожарных четыре квартиры успели сгореть дотла.

Расследованием причин пожара занимался человек по имени Хассан Сукур. Он присвоил пожару высший балл по шкале Государственной криминалистической лаборатории и объяснил Йоне: все говорит о том, что возгорание произошло в квартире соседки Бьёрна Альмскуга, восьмидесятилетней Лисбет Вирен. Старушка отправилась в ближайший магазин, чтобы обменять небольшой выигрыш на два новых лотерейных билета, и забыла выключить утюг. Огонь распространился очень быстро; по тому, что осталось от утюга и гладильной доски, было ясно: пожар возник в ее гостиной.

Комиссар быстро прошел по черным квартирам. Искореженные металлические детали, оставшиеся от мебели, обломки холодильника, остов кровати, покрытая сажей ванна.

Йона снова спустился. Стены и потолок лестничной клетки густо покрывала копоть. Комиссар остановился возле ленты, преграждавшей вход на сгоревший этаж, повернулся и взглянул в черноту.

Пролезая под лентой, он увидел, что пожарные следователи оставили на полу пару двойных пакетов для упаковки горючих веществ. Йона вышел в зеленоватую, в черных разводах дверь подъезда и двинулся в сторону полицейского управления. На ходу достал телефон и еще раз позвонил Хассану Сукуру. Хассан быстро взял трубку и убавил громкость радио.

– Вы что, нашли следы горючих жидкостей? – спросил Йона. – Вы забыли пару двойных пакетов, и я подумал…

– Значит, так. Если злоумышленник обливает что-нибудь горючей жидкостью, то она и есть причина пожара. Но… обычно я нахожу ее следы. Жидкость затекает в щели между досками пола, попадает на настил, на стекловату или под доски настила, которые могут уцелеть.

– А здесь следов жидкости нет? – Йона уже шагал по Хантверкаргатан.

– Нет, ничего похожего.

– Но если знать, где следователи станут искать следы горючей жидкости, то можно остаться нераскрытым.

– Разумеется… если бы я был пироманом, то не дал бы следователям ни единого шанса, – рассмеялся Хассан.

– И вы уверены, что пожар произошел из-за утюга?

– Да, это несчастный случай.

– Итак, вы закончили расследование? – заключил Йона.

20
Дом

Пенелопа почувствовала, что ее снова охватывает паника, как будто страх в ней просто отдышался и закричал снова. Пенелопа вытерла слезы и попыталась подняться. Холодный пот лился между грудей и из подмышек. Мышцы во всем теле болели и дрожали от напряжения. Сквозь грязь на ладонях сочилась кровь.

– Нам нельзя оставаться здесь, – прошептала она и потянула Бьёрна за собой.

В лесу было темно, однако ночь уже повернула на утро. Беглецы снова торопливо шли к берегу, на юг от дома и вечеринки.

Подальше, как можно дальше от преследователя.

Сознавая, что им нужна помощь, нужен телефон.

Лес понемногу спускался к воде, и они опять побежали. Между деревьями показался еще один дом, до него было с полкилометра, а может, и меньше. Где-то вдалеке стрекотал вертолет.

Бьёрн, кажется, был готов упасть в обморок. Видя, как он опирается то о землю, то о ствол дерева, Пенелопа всякий раз пугалась, что он больше не сможет бежать.

Где-то сзади хрустнула ветка, как будто сломавшись под тяжестью человека.

Пенелопа со всех ног кинулась через лес.

Деревья поредели, и она снова увидела дом, всего в нескольких метрах. Свет, падавший из окна, сиял на красном лаке стоящего под этим окном «форда».

Заяц проскакал по мху, через можжевельник.

Тяжело дыша, беглецы с опаской двинулись по гравийной дорожке.

Они остановились, чтобы оглядеться; от напряжения закололо в икрах. Поднялись на крыльцо, открыли дверь и вошли.

– Здравствуйте! Нам нужна помощь! – крикнула Пенелопа.

После солнечного дня в доме было тепло. Бьёрн споткнулся, его босые ноги оставляли на полу прихожей кровавые следы.

Пенелопа пробежала по комнатам, но в доме никого не оказалось. Наверное, хозяева заночевали у соседей после вечеринки, подумала она и остановилась у окна, скрывшись за занавеской. Пенелопа немного подождала, но никого не увидела ни в лесу, ни на газоне у дома, ни на подъездной дорожке. Может, человек в черном наконец сбился со следа, а может, поджидает их у другого дома. Пенелопа вернулась в прихожую. Бьёрн сидел на полу, рассматривая раны на ногах.

– Найди себе обувь, – сказала она.

Бьёрн посмотрел на нее пустым взглядом, словно разучился понимать слова.

– Еще не конец. Тебе нужно во что-нибудь обуться.

Бьёрн принялся рыться в гардеробе, выбрасывая оттуда пляжные шлепанцы, резиновые сапоги и старые сумки.

Стараясь избегать окон, Пенелопа принялась искать телефон. Посмотрела на столике в прихожей, в портфеле на диване, заглянула в миску, стоявшую на журнальном столике, поискала среди ключей и документов на разделочном столе в кухне.

Снаружи донесся какой-то звук. Пенелопа замерла и прислушалась.

Наверное, почудилось.

В окно проникли первые лучи восходящего солнца.

Пригибаясь, Пенелопа прокралась в просторную спальню и принялась выдвигать ящики комода. Среди белья лежал снимок в рамочке – семейный портрет, снятый в ателье:

муж, жена и две дочери-подростка. Другой ящик оказался пустым. Пенелопа открыла платяной шкаф, сняла с вешалки кое-какие вещи, взяла черную куртку с капюшоном – гардероб подростка – и вязаный свитер.

Услышав, как в кухне полилась вода, Пенелопа бросилась туда. Бьёрн нагнулся над раковиной и пил воду. На ногах у него были поношенные спортивные туфли на пару размеров больше.

Мы должны найти кого-нибудь, кто нам поможет, подумала она. Что за ерунда, здесь же должно быть полно народу.

Пенелопа протянула Бьёрну свитер, и тут в дверь постучали. Бьёрн испуганно улыбнулся, натянул свитер и пробормотал, что им, кажется, повезло. Пенелопа вышла в прихожую, убрала волосы с лица. Она уже почти открыла дверь, когда увидела за мутным стеклом силуэт.

Пенелопа замерла, глядя на тень сквозь затуманенное окошко. Протянуть руку и открыть дверь вдруг стало невозможно. Она узнала фигуру, форму головы и очертания плеч.

Из легких будто выкачали воздух.

Пенелопа медленно попятилась в кухню, ее передернуло, телу захотелось бежать. Она уставилась на стекло, на неясное лицо с маленьким подбородком. У Пенелопы закружилась голова; девушка снова попятилась, топча сумки и сапоги и опираясь рукой о стену. Пальцы зашарили по обоям, покосилось зеркало.

Рядом встал Бьёрн, сжимая в руке разделочный нож с широким лезвием. Щеки побелели, рот полуоткрыт, глаза не отрываются от окошка.

Пенелопа уперлась задом в кухонный стол и тут же заметила, как дверная ручка медленно опускается. Пенелопа метнулась в ванную, открыла краны и громко крикнула:

– Входите, открыто!

Бьёрн вздрогнул, в ушах застучала кровь. Он выставил нож перед собой, готовясь защищаться или нападать. Однако преследователь осторожно отпустил ручку. Силуэт в окошке исчез, через пару секунд послышались шаги – человек шел по гравийной дорожке возле дома. Бьёрн взглянул вправо. Пенелопа вышла из ванной. Бьёрн указал на окно комнаты, где стоял телевизор; оба перешли в кухню и тут же услышали, как человек в черном ходит по террасе. Вот прошел мимо окна, вот подходит к двери. Пенелопа попыталась представить себе, что видит преследователь, позволяют ли угол и освещение рассмотреть разбросанную по прихожей обувь, кровавые следы ног Бьёрна на полу. Доски снаружи снова скрипнули – человек двинулся к лестнице, спускающейся на задний двор. Он обошел дом и направляется к кухонному окну. Бьёрн и Пенелопа легли на пол и прижались к стене прямо под окном, стараясь не шевелиться и едва дыша. Услышали, как человек подошел к окну, пошарил руками по жестяному подоконнику, и они поняли: он заглядывает в кухню.

Тут Пенелопа заметила, что в стекле духовки отражается окно. В отражении было видно, как преследователь старается рассмотреть, что происходит в кухне. Когда он посмотрит на стекло духовки, то увидит ее, Пенелопы, глаза. И сразу поймет, что они затаились где-то здесь.

Лицо в окне исчезло, шаги снова донеслись с террасы, потом захрустел гравий. Когда входная дверь открылась, Бьёрн метнулся к кухонной двери, тихо отложил нож, повернул ключ в замке, толкнул дверь и выскочил.

Пенелопа бросилась следом, в прохладный утренний сад. Они пробежали по лужайке, мимо кучи компоста и дальше в лес. Сумерки еще не рассеялись, но между деревьями уже пробивался жидкий свет восходящего солнца. Страх гнал Пенелопу вперед, в груди бушевала паника. Пенелопа уворачивалась от толстых веток, перепрыгивала через низкие кусты, через камни. Где-то сбоку бежал Бьёрн, она слышала его частое дыхание. А за спиной Бьёрна угадывался безостановочный бег того, другого, ощущаемого как тень. Он следовал за ними

и, Пенелопа знала, хотел убить их, как только догонит. Она вспомнила когда-то читанное: одна женщина-тутси в Руанде пережила геноцид, спрятавшись от убийц-хуту под порогом и потом бежав. Она не знала покоя в течение всех тех месяцев, что продолжалась резня. Прежние соседи и друзья гнались за ней с мачете. Мы подражали антилопам, писала эта женщина. Мы, выжившие в джунглях, подражали антилопам, убегающим от хищников. Мы бежали, выбирая неожиданные дороги, мы разделялись и меняли направление, чтобы сбить преследователей с толку.

Пенелопа сообразила, что они с Бьёрном убегают неправильно. Они бегут без плана, бессмысленно, и это на руку не им, а их преследователю. Их бегство наивно. Они хотят найти дом, помощь, хотят позвонить в полицию. Все это известно преследователю, он понимает, что они станут искать спасения у людей, станут искать дома на острове.

Пенелопа зацепилась за упавшую ветку и порвала штаны. По инерции пролетела несколько шагов, согнувшись, потом снова выпрямилась, побежала, просто отметив, как боль обожгла ногу.

Нельзя останавливаться. Привкус крови во рту. Бьёрн споткнулся, запутавшись в кустарнике. Беглецы свернули возле вывороченного дерева, в яму от которого налилась вода.

И пока Пенелопа неслась рядом с Бьёрном, страх вдруг извлек из памяти воспоминание, воспоминание о таком же страхе. Пенелопа вспомнила, как была в Дарфуре, вспомнила глаза людей, вспомнила отличия между взглядами тех, кто больше не мог сопротивляться, и тех, кто продолжал бороться, кто отказывался сдаваться. Она никогда не забудет детей, явившихся ночью в Куббум с заряженными револьверами. Она никогда не забудет страх, который тогда испытала.

21
Служба государственной безопасности

Штаб-квартира Службы государственной безопасности располагалась на третьем этаже полицейского управления, попасть в которое можно было с Польхемсгатан. На стоянке вертолетов, устроенной на крыше следственной тюрьмы, кто-то свистнул в свисток. Отделом, ответственным за меры безопасности, руководил Вернер Санден, высокий длинноносый мужчина с угольно-черными глазками и глубоким басом. Сейчас он сидел за своим столом, широко расставив ноги и подняв руку в успокаивающем жесте. Тусклый свет падал через выходящее во внутренний двор окошко. Пахло пылью и накалившимися лампочками. В этом необыкновенно тоскливом кабинете стояла молодая женщина по имени Сага Бауэр. Она уже дослужилась до комиссара и специализировалась на борьбе с терроризмом. Саге было всего двадцать пять; в длинных светлых волосах сверкали зеленые, желтые и красные ленты, что придавало ей вид лесной феи, стоящей на полянке в луче света. Под мышкой висел крупнокалиберный пистолет. На Саге была шапочка и расстегнутая спортивная кофта с логотипом боксерского клуба «Нарва».

– Я вела это дело больше года, – умоляюще говорила она. – Я занималась им без выходных, по ночам не спала…

– Тут другое, – с улыбкой перебил шеф.

– Ну пожалуйста… Вы не можете опять обойти меня.

– Не могу? Криминалист из уголовной полиции серьезно ранен, напали на комиссара, квартира могла взорваться.

– Я знаю. Мне нужно туда…

– Я уже отправил Йорана Стуне.

– Йорана Стуне? Я работаю здесь три года, мне ни одно дело не дают довести до конца, это же моя экспертная область. Йоран не разберется…

– Он хорошо показал себя в подземных коридорах.

Сага с трудом сглотнула, потом ответила:

– Это тоже было мое дело, это я нашла связь между…

Вернер серьезно возразил:

– Но оно стало опасным, и я продолжаю считать, что поступил правильно.

Сага покраснела, опустила глаза, собралась и заговорила, стараясь оставаться спокойной:

– Я хорошо справляюсь, меня же учили как раз этому…

– Да, но я принял другое решение.

Санден подергал себя за нос, вздохнул и положил ноги на корзину для бумаг, стоявшую под столом.

– Вы же знаете, что я здесь не потому, что меня направил сюда Комитет по вопросам женского равноправия, – медленно проговорила Сага. – Я здесь не по какой-то квоте, я лучше всех в группе прохожу все проверки, я отлично стреляю, я расследовала двести десять разных…

– Я просто боюсь за тебя, – сказал Санден и взглянул в ее голубые глаза.

– Я не кукла, не принцесса и не фея.

– Но ты такая… такая…

Вернер покраснел до корней волос и беспомощно поднял руки:

– Ладно, черт с тобой, договорились. Ты ведешь следствие, но Стуне будет работать с тобой, подстрахует, если что.

– Спасибо. – Сага с облегчением улыбнулась.

– Но не забывай, мы не в игрушки играем, – пробасил Санден. – Сестра Пенелопы Фернандес убита, ее казнили, саму Пенелопу никто не может найти…

– Сейчас активизировались левоэкстремистские группировки. Мы проверяем, не стоит ли «Революционный Фронт» за кражей взрывчатки в Вакссхольме.

– Уточните, способны ли они на немедленные действия.

– И радикалы подняли голову, – как-то слишком уж настойчиво продолжала Сага. – Я только что говорила с Данте Ларссоном из МАСТ. Он сказал, что этим летом они ожидают диверсий.

– Сосредоточимся на Пенелопе Фернандес, – улыбнулся Вернер. – Всякие технические моменты мы будем решать совместно с уголовной полицией, но в остальном легавых стоит держать в стороне.

Сага Бауэр кивнула, немного помолчала, потом спросила:

– Я закончу это расследование? Оно важно для меня, потому что…

– Пока ты в седле, – перебил шеф. – Но мы понятия не имеем, где закончится это дело. Мы даже не знаем, где оно начинается.

22
«Что вам нужно?»

Неподалеку от Решюльгатан в Вестеросе стоит длинный, ослепительно белый дом. Его жильцам рукой подать до школы, футбольного поля и теннисного корта.

Из подъезда номер одиннадцать вышел юноша с мотоциклетным шлемом в руке. Юношу звали Стефан Бергквист; ему скоро должно было исполниться семнадцать. Стефан учился в техническом колледже и жил вместе с матерью и ее приятелем.

Длинные светлые волосы, серебряная сережка в нижней губе, черная футболка, штанины мешковатых джинсов спускаются под пятки кроссовок.

Стефан не спеша спустился на парковку, повесил шлем на руль своего мотоцикла и медленно покатил по дорожке вокруг дома, потом вдоль железнодорожных путей, проехал под виадуком и оказался в большой промышленной зоне. Там он остановился возле большого то ли сарая, то ли склада, покрытого синими и серебристыми граффити.

Здесь Стефан обычно встречался с приятелями; они наперегонки носились по дорожке вдоль железнодорожной насыпи, переезжали запасные пути, а потом возвращались на Терминалвеген.

Четыре года назад они нашли среди разросшегося позади здания репейника ключ от склада и с тех пор устраивали здесь сходки. На складе никто не появлялся уже лет десять. По какой-то причине его забросили, предварительно потратив немало времени и сил на строительство.

Стефан слез с мотоцикла, отпер висячий замок, сдвинул стальной засов и открыл деревянную дверь. Вошел, закрыл дверь, глянул на часы в телефоне и увидел, что звонила мама.

Мальчик не заметил, что за ним наблюдал человек лет шестидесяти в серой замшевой куртке и светло-коричневых брюках. Мужчина стоял за мусорным контейнером возле низенького нежилого строения по ту сторону путей.

Стефан прошел в кухоньку, вытащил из раковины пакет чипсов, вытряхнул последние крошки в ладонь и отправил в рот.

Свет попадал в сарай через два грязных зарешеченных окна.

В ожидании друзей Стефан принялся рыться в кипе старых газет, валявшихся на чертежном столе. На первой полосе «Лектюр» под заголовком «Вас оближут, да еще и заплатят!» красовалась молодая женщина с обнаженной грудью.

Мужчина в замшевой куртке спокойно покинул свое укрытие, прошел мимо электроопоры и перебрался через рельсы на бурой насыпи. Потом подошел к мотоциклу Стефана, выбил подпорку и подкатил его к складу.

Оглядевшись, он положил мотоцикл на землю и придвинул его к двери, намертво заклинив выход. Потом открыл бак, и бензин полился на землю.

Стефан продолжал рыться в старых газетах, рассматривая выцветшие фотографии из женской тюрьмы. Светловолосая женщина сидела в камере, широко расставив ноги и демонстрируя охранникам влагалище. Стефан уставился на картинку и дернулся, только услышав позвякивание снаружи. Он прислушался; ему показалось, что там кто-то ходит, и он торопливо сложил газету.

Человек в замшевой куртке взял забытую мальчишками красную канистру и принялся поливать бензином землю вокруг здания. Первые крики он услышал уже на заднем дворе. Мальчик колотил в дверь, пытаясь открыть ее; его шаги затопали по полу, потом в грязном окне появилось испуганное лицо.

– Откройте дверь, не смешно, – громко сказал он.

Человек в замшевой куртке обошел вокруг склада, вылил остатки бензина и поставил канистру на место.

– Вы что делаете?! – завопил мальчик.

Он попытался высадить дверь, но она не поддалась. Мальчик кинулся звонить матери, но ее телефон оказался выключен. Сердце тяжело билось от страха; Стефан перебегал от одного окна к другому, стараясь разглядеть что-нибудь через стекло в серых потеках.

– Вы что, дурак?!

Он учуял резкий запах бензина, и желудок свело от ужаса.

– Э-эй! – испуганно позвал Стефан. – Я знаю, вы здесь!

Мужчина достал из кармана коробок спичек.

– Что вам нужно? Ну пожалуйста, скажите, что вам нужно!

– Ты ни в чем не виноват, но ночной кошмар должен сбыться, – не повышая голоса ответил человек и зажег спичку.

– Выпустите меня! – закричал мальчик.

Мужчина бросил спичку на сырую траву. Раздался тихий хлопок, словно бы огромный парус вдруг наполнился воздухом. Синеватое пламя вздулось с такой силой, что мужчина попятился. Мальчик звал на помощь. Пламя окружило склад. Мужчина продолжал отступать; ему в лицо повеяло жаром, он слышал крики смертельно испуганной жертвы.

В несколько секунд огонь охватил строение полностью, стекла за решеткой полопались от жара.

Мальчик завыл – у него занялись волосы.

Человек в замшевой куртке перешел железнодорожные пути и остановился возле какого-то хозяйственного строения. Старый склад полыхал, словно факел.

Через несколько минут послышался грохот – с севера приближался товарный состав. Он медленно катился по рельсам; коричневые вагоны со скрежетом и скрипом двигались мимо пылающего склада, а человек в серой замшевой куртке исчез где-то на Стенбюгатан.

23
Криминалисты

Несмотря на выходной день, шеф уголовной полиции Карлос Элиассон находился в своем кабинете. Элиассон становился все нелюдимее и оттого с удвоенной силой сопротивлялся неожиданным посещениям. Дверь была заперта, горела красная лампочка «Не входить!». Йона открыл дверь, постучав на ходу.

– Морская полиция что-нибудь нашла?

Карлос отодвинул книгу, лежавшую на столе, и спокойно ответил:

– На вас с Эрикссоном напали, вы пережили шок. Вам нужно поберечь себя.

– Побережем.

– Поиски с вертолета прекращены.

Йона окаменел.

– Как прекращены? И сколько они успели?..

– Не знаю, – перебил Карлос.

– А кто глава следственной группы?

– Уголовная полиция здесь ни при чем. Это дело морской полиции.

– Не мешало бы знать, сколько убийств мы расследуем – одно или два, – огрызнулся комиссар.

– Ты пока ничего не расследуешь. Я поговорил с Йенсом Сванейельмом. Мы создаем группу вместе со Службой безопасности. От уголовки туда войдет Петтер Неслунд.

– А у меня какое задание?

– Взять отпуск на недельку.

– Нет.

– Тогда съезди в Высшую школу полиции, прочитай лекцию.

– Нет.

– Уперся как баран, – посетовал Карлос. – Твое упрямство мне не нравится.

– Плевать мне на тебя. Пенелопа…

– Плевать на меня? – поразился Элиассон. – Да ты что? Я же твой начальник…

– Пенелопа Фернандес и Бьёрн Альмскуг могут быть еще живы, – твердо сказал Йона. – Квартиру Альмскуга сожгли, квартира Фернандес сгорела бы, не окажись там меня. Убийца искал что-то, что у них было. По-моему, он хотел заставить Виолу говорить, прежде чем утопить ее…

– Большое спасибо, – раздраженно перебил Карлос. – Спасибо за интересные мысли, но у нас… Нет, минуточку. Я знаю, тебе трудно с этим согласиться, но кроме тебя, Йона, есть и другие полицейские. И да будет тебе известно, большинство из них – опытные люди с головой на плечах.

– Согласен. И тебе стоит их поберечь, – недобро заметил комиссар и посмотрел на бурые пятна на рукавах своей рубашки. Кровь Эрикссона.

– В смысле?

– Я уже столкнулся с преступником. Боюсь, в этом расследовании погибнет не один полицейский.

– Вы не ожидали нападения, я понимаю, в какой ад вы попали…

– Ладно, – тяжело сказал Йона.

– Томми Кофоэд сейчас работает на месте преступления. А я позвоню Бриттис в полицейскую школу, скажу, что ты сегодня заедешь к ним, а на следующей неделе прочитаешь лекцию.

* * *

На улице комиссара сразу окатило жарким воздухом. Йона снял пиджак и заметил, что сзади к нему кто-то приближается – из тенистого парка, по улице между припаркованными машинами. Йона повернулся и увидел мать Пенелопы, Клаудию Фернандес.

– Господин Линна… – сдавленным голосом произнесла Клаудия.

– Что с вами, Клаудия? – серьезно спросил комиссар.

Клаудия только покачала головой. Глаза у нее были красные, лицо – умоляющее.

– Найдите ее, найдите мою девочку! – И она протянула комиссару пухлый конверт.

Конверт оказался набит деньгами. Комиссар попытался отдать его Клаудии, но та взмахнула руками.

– Пожалуйста, возьмите. Это все, что у меня есть. Но я достану еще, я продам дом, только найдите ее.

– Клаудия, я не возьму ваших денег.

Ее умоляющее лицо сморщилось:

– Прошу вас…

– Мы делаем все, что можем.

Наконец комиссару удалось сунуть Клаудии конверт. Она с отсутствующим видом зажала его в руке, пробормотав, что пойдет домой и будет ждать звонка. Потом остановила комиссара и снова принялась объяснять:

– Я сказала ей, что она может не приходить… она никогда не позвонит мне.

– Клаудия, вы просто поссорились. Это же не на всю жизнь.

– Но как у меня язык повернулся?! – Она ударила себя по лбу. – Как можно говорить такие вещи собственным детям?

– Вы просто…

Йона вдруг замолчал, по спине потек пот. Комиссар постарался прогнать проснувшиеся воспоминания.

– Я не переживу этого, – тихо пробормотала Клаудия.

Йона пожал ей руку и сказал, что сделает все, что сможет.

– Ваша дочь вернется к вам, – прошептал он.

Клаудия кивнула, и они разошлись. Йона торопливо зашагал к машине, щурясь и посматривая в небо. День был солнечный, но в воздухе как будто висела дымка, к тому же стояла духота. Комиссар вспомнил, как прошлым летом сидел в больнице и держал за руку мать. Они говорили по-фински. Йона обещал, что, как только матери станет лучше, они вместе поедут в Карелию. Она родилась там в маленькой деревеньке, которую, в отличие от многих других, русские не сожгли во время Второй мировой войны. Мать ответила: будет лучше, если он поедет в Карелию с кем-нибудь, кто ждет его.

Комиссар купил бутылку «Пеллегрино» в «Иль кафе» и глотнул воды, прежде чем садиться в нагретую машину. Руль раскалился, сиденье обжигало спину. Вместо того чтобы ехать в полицейскую школу, комиссар отправился в дом номер три по Санкт-Паульсгатан, в квартиру пропавшей Пенелопы Фернандес. Он думал о человеке, с которым там столкнулся. В движениях нападавшего были удивительная быстрота и точность, нож как будто жил собственной жизнью.

Перед дверью подъезда была натянута бело-синяя лента со словами «Полиция» и «Проход запрещен».

Йона предъявил удостоверение и пожал руку полицейскому в форме. Они иногда встречались, но вместе не работали.

– Жарко сегодня, – сказал Йона.

– Да уж.

– Сколько экспертов на месте? – Йона кивнул на лестницу.

– Один от наших и трое от Службы безопасности, – радостно сообщил дежурный. – Хотят поскорее собрать ДНК.

– Они ничего не найдут, – предсказал комиссар скорее самому себе и пошел вверх по лестнице.

Возле двери квартиры на третьем этаже стоял Мелькер Янос, немолодой полицейский. Йона помнил его еще по полицейской школе как человека нервного и высокомерного. Тогда карьера Мелькера шла в гору, но тяжелый развод и периодические запои сделали свое дело – Мелькер постепенно скатился до патрульного. Завидев комиссара, Мелькер сухо и раздраженно поздоровался и с ироническим поклоном открыл ему дверь. Йона сказал «спасибо», не ожидая ответа.

Почти на пороге он увидел Томми Кофоэда, координатора техников-криминалистов из Комиссии по расследованию убийств. Кофоэд, доходивший комиссару только до груди, сутулился и по обыкновению был чем-то недоволен. Когда их взгляды встретились, рот Кофоэда растянулся в радостной детской улыбке.

– Йона, как я рад тебя видеть! А я думал, ты поехал в полицейскую школу.

– Я перепутал поворот.

– Здорово.

– Нашли что-нибудь?

– Мы проверили отпечатки подошв в прихожей.

– И они совпадают со следами моих ботинок, – сказал комиссар, пожимая руку Кофоэду.

– И ботинок нападавшего. – Кофоэд улыбнулся еще шире. – Мы сняли несколько замечательных отпечатков. Он двигался невероятно ловко, правда?

– Правда, – коротко ответил Йона.

В прихожей лежали специальные метки, не дававшие спутать уже проверенные отпечатки с непроверенными. На штативе торчала камера с направленным в пол объективом. Мощная лампа с алюминиевым экраном лежала в углу, шнур был скручен. Эксперты искали невидимые отпечатки при помощи рассеянного света. Потом техники обрабатывали следы электростатическим съемником – это позволяло понять, как преступник передвигался по кухне и прихожей.

Йона подумал, что виртуозы-криминалисты работают зря. Скорее всего преступник уже сжег и обувь, и перчатки с одеждой.

– Как же он бегал? – спросил Кофоэд, указывая на отметки на полу. – Там, там… наискосок туда, потом ничего, а потом – здесь и здесь.

– Ты пропустил один след, – улыбнулся Йона.

– Голову даю на отсечение.

– Вон там, – показал комиссар.

– Где?

– На стене.

– Зараза.

Сантиметрах в семидесяти от пола на светло-серых обоях виднелся след подошвы. Томми Кофоэд позвал еще одного техника и попросил его снять желатиновый отпечаток.

– Теперь можно ходить по полу? – спросил Йона.

– Только по стенам не бегай, – фыркнул Кофоэд.

24
Что же он искал?

В кухне стоял какой-то человек в джинсах и светло-коричневом пиджаке с кожаными заплатами на локтях. Он время от времени поглаживал светлые усы и что-то громко говорил, указывая на микроволновую печь. Йона прошел в кухню и увидел, как техник-криминалист в респираторе и защитных перчатках кладет в бумажный пакет покореженный баллончик, складывает пакет вдвое, заклеивает скотчем и что-то пишет на нем.

– Вы Йона Линна, правильно? – сказал человек со светлыми усами. – Если вы и вправду такой гений, как говорят, то давайте к нам.

Они пожали друг другу руки.

– Йоран Стуне, Служба безопасности, – довольным голосом сообщил мужчина.

– Это вы руководите предварительным следствием?

– Да, я… хотя формально – Сага Бауэр… статистики ради, – криво улыбнулся Стуне.

– Я видел Сагу Бауэр, – сказал Йона. – Она производит впечатление способной…

– …на что? – Стуне захохотал и тут же зажал себе рот.

Йона выглянул в окно, подумал о дрейфующей яхте и попытался представить себе убийцу, которому могли отдать приказ о ликвидации. Он сознавал, что расследование еще только началось, что еще рано делать выводы, но восстановить ход событий было бы полезно. Скорее всего, единственной целью преступника была Пенелопа. Убивать же Виолу он наверняка не собирался, поскольку не знал, что она вообще может оказаться на яхте. Ее присутствие было для убийцы досадной случайностью, подумал комиссар и перешел в спальню.

Постель застелена, на сливочно-белом покрывале ни морщинки. На подоконнике комиссар увидел ноутбук; рядом стояла Сага Бауэр из Службы безопасности (это она распоряжалась компьютером) и говорила по телефону. Комиссар помнил ее по семинару по борьбе с терроризмом.

Йона сел на кровать и попробовал снова собраться с мыслями. Вызвал в воображении образы Виолы и Пенелопы, возле них поместил Бьёрна. Наверняка Пенелопы с Бьёрном не было на яхте, когда была убита Виола, иначе преступник не совершил бы ошибки. Он убил бы всех троих, рассадил бы трупы по правильным кроватям и потопил судно. Ошибка исключала присутствие Пенелопы на яхте. Значит, Пенелопа с приятелем должны были находиться в каком-то другом месте.

Йона поднялся и перешел в гостиную. Он скользнул взглядом по укрепленному на стене телевизору, дивану с красным пледом, по модному столику, заваленному журналами «Урдфронт» и газетами «Эксит». Подошел к книжному шкафу, занимавшему всю стену, вспомнил провода в машинном отделении яхты – через несколько минут от электрической дуги должна была вспыхнуть набивка сиденья, – и подтянутый поближе шланг топливного насоса. Но яхта не затонула. Видимо, мотор работал недостаточно долго.

Речь больше не шла о случайности.

Квартира Бьёрна сгорела дотла. В тот же день убивают Виолу. Яхта взорвалась бы, если бы люди не бросили ее.

Потом убийца попытался устроить взрыв газа в квартире Пенелопы.

Квартира Бьёрна, яхта, квартира Пенелопы.

Убийца искал что-то, что было у Бьёрна и Пенелопы. Начал, обыскав квартиру Бьёрна, и, не найдя нужного, сжег ее. Потом последовал за яхтой, обыскал и яхту, ничего не нашел,

пытался вынудить Виолу говорить и, не получив ответа на свой вопрос, отправился в квартиру Пенелопы.

Йона позаимствовал у техников пару латексных перчаток, снова подошел к книжным полкам и принялся рассматривать тонкий слой пыли на них. Он заметил, что на некоторых корешках пыли нет. Значит, в последние пару недель кто-то вытаскивал эти книги.

– Мне не нравится, что вы здесь, – сказала Сага Бауэр за спиной у комиссара. – Это мое расследование.

– Я сейчас уйду, только уточню кое-что.

– У вас пять минут.

Комиссар обернулся:

– Можете сфотографировать книги?

– Уже сфотографировали, – сухо ответила Сага.

– Немного сбоку и сверху, чтобы было видно пыль, – невозмутимо пояснил Йона.

Сага поняла, что он имеет в виду. Не меняя выражения лица, она взяла фотоаппарат у одного из экспертов и сфотографировала все полки, до которых дотянулась, а потом разрешила комиссару осмотреть книги на пяти нижних полках.

Йона вытащил «Капитал» Маркса, пролистал книгу – множество подчеркнутых строк и примечаний на полях. Заглянул в пустое место, оставшееся после книги, но ничего не заметил. Комиссар вернул «Капитал» на полку и стал рассматривать остальные книги. Биография Ульрики Майнхоф[15], антология под названием «Основные тексты женщин-политиков», избранные произведения Брехта.

На второй снизу полке комиссар неожиданно обнаружил книги, которые явно недавно вытаскивали.

Перед ними не было пыли.

«Как спасались антилопы» – свидетельства очевидцев резни в Руанде, томик Пабло Неруды *Cien sonetos de amor* и «Исторические корни шведской идеи расовой биологии».

Йона пролистал книги одну за другой. Когда он открыл «Идеи расовой биологии», оттуда выпало фото. Комиссар поднял снимок. Черно-белая фотография изображала серьезную черноволосую девочку с косичками. Йона сразу узнал Клаудию Фернандес. Ей здесь было лет пятнадцать, и она поразительно походила на своих дочерей.

Но кто способен положить фотографию своей матери в книгу о расовой биологии, подумал комиссар и посмотрел на оборот снимка.

Там кто-то написал карандашом: *No estés lejos de mí un solo día*.

Без сомнения, это была строка из стихотворения «Не уходи ни на единый день».

Йона снова достал томик Неруды и скоро нашел строфу целиком: *No estés lejos de mí un solo día, porque cómo, porque, no sé decirlo, es largo el día, y te estaré esperando como en las estaciones cuando en alguna parte se durmieron los trenes*[16].

Вот где должна была лежать фотография. В книге Неруды.

Это ее место, подумал комиссар.

И если убийца что-то искал в книге, фотография могла выпасть.

Он стоял здесь, рассуждал Йона, смотрел на пыльные полки, совсем как я, и торопливо пролистывал книги, которые брали с полки в последние несколько недель. Внезапно убийца обнаруживает, что фотография выпала и лежит на полу; он подбирает ее, но кладет не в ту книгу.

---

[15] Ульрика Мария Майнхоф (1934–1976) – западногерманская террористка, журналистка, общественный деятель, одна из идейных лидеров и теоретиков организации РАФ («Фракция Красная Армия»), ставившей своей целью насильственное свержение власти в ФРГ.

[16] Не уходи ни на единый день. / День без тебя – длиною в бесконечность! / Так на вокзале проклятая вечность / Ждёт поезда спасительную тень *(пер. с исп. С. Крюкова)*.

Йона прикрыл глаза.
Вот так все и было, подумал он.
Ликвидатор рылся в книгах.
Он знал, что ищет, и этот предмет находился между страницами книги.
Так что же это было?
Письмо, завещание, фотография, признание?
Компакт-диск, карта памяти или сим-карта?

25
Девочка на лестнице

Йона заглянул в ванную, которую как раз подробно фотографировали эксперты, потом вышел на лестничную клетку и остановился у двери соседней квартиры.

Перед частой решеткой лифтовой шахты переминался с ноги на ногу Мелькер.

Комиссар постучал, подождал. Вскоре в квартире послышались шаги. Полная женщина за шестьдесят приоткрыла дверь и выглянула.

– Да?

– Здравствуйте, меня зовут Йона Линна, я комиссар уголовной полиции…

– Но я уже говорила, что не видела его лица, – перебила женщина.

– Полиция уже была здесь? Я не знал.

Женщина распахнула дверь. Две кошки, лежавшие на телефонном столике, спрыгнули на пол и исчезли в глубине квартиры.

– На нем была маска Дракулы, – нетерпеливо сказала женщина, словно уже объясняла это бессчетное число раз.

– На ком?

– На ком, на ком… – пробурчала хозяйка квартиры, ушла и через минуту вернулась с пожелтевшей газетной вырезкой.

Йона вполглаза просмотрел статью двадцатилетней давности. В ней говорилось об эксгибиционисте, пугавшем женщин в Сёдермальме.

– Ниже пояса на нем не было ни лоскутка…

– И вы думаете…

– Я, конечно, туда и не смотрела, – продолжила она. – Хотя я уже все рассказала вашим.

Йона улыбнулся.

– Я хотел спросить совсем о другом.

Женщина удивленно уставилась на него:

– Что ж вы сразу не сказали?

– Вы хорошо знаете Пенелопу Фернандес, вашу соседку?..

– Она мне как внучка, – затараторила женщина. – Такая чудесная, такая милая…

Женщина вдруг замолчала, потом тихо спросила:

– Она умерла?

– Почему вы так решили?

– Потому что пришли из полиции и задают всякие вопросы.

– Вы не видели – к ней на днях не приходили необычные гости?

– Я, конечно, старуха. Но у меня нет привычки шпионить и записывать, кто когда к кому ходит.

– Я подумал – может, вы случайно что-то видели.

– Не видела.

– Может, что-нибудь было? Что-то необычное?

– Совершенно ничего. Она разумная прилежная девочка.

Комиссар поблагодарил, сказал, что, возможно, зайдет еще с вопросами, и отодвинулся, чтобы женщина смогла закрыть дверь.

На площадке третьего этажа квартир больше не было. Комиссар стал подниматься по лестнице, но на полпути увидел, что на ступеньке сидит девочка. Лет восьми, похожа на мальчика: волосы коротко подстрижены, наряд – джинсы и потертая флисовая кофта. На

коленях у девочки лежал пакет: бутылка минеральной воды «Рамлоса» с почти отставшей этикеткой и полбулки.

Йона остановился рядом с девочкой, робко смотревшей на него, и сказал:

– Привет. Как тебя зовут?

– Миа.

– А меня – Йона.

Комиссар заметил грязь у девочки под подбородком, на тонкой шейке.

– А у вас есть пистолет? – спросил ребенок.

– Почему ты решила, что у меня есть пистолет?

– Вы сказали Элле, что вы полицейский.

– Правильно. Я комиссар.

– У вас есть пистолет?

– Да, есть, – нарочито равнодушно сказал Йона. – Хочешь пострелять?

Девочка уставилась на него раскрыв рот:

– Да ладно!

Йона улыбнулся, и девочка рассмеялась.

– Почему ты сидишь на лестнице? – спросил комиссар.

– Мне тут нравится. Можно слушать всякое.

Йона сел рядом с девочкой и неторопливо спросил:

– Что же ты слышала?

– Ну, я слышала, что вы полицейский и что Элла вам наврала.

– О чем наврала?

– Что она прямо ужас как любит Пенелопу, – пояснила Миа. – А сама сует кошачьи какашки ей в почтовый ящик.

– Зачем?

Девочка пожала плечами и провела пальцем по пакету.

– Не знаю.

– А тебе нравится Пенелопа?

– Она всегда говорит мне «Привет!».

– Но ты ее не знаешь?

– Нет.

Йона огляделся.

– Ты что, живешь тут, на лестнице?

Девочка застенчиво улыбнулась:

– Нет, я живу на первом этаже с мамой.

– Но ты целями днями сидишь на лестнице.

Миа пожала плечами:

– Ну да.

– И спишь здесь?

Девочка поколупала пальцем этикетку «Рамлосы» и коротко ответила:

– Иногда.

– В пятницу, – медленно начал Йона, – рано утром Пенелопа вышла из дома. Села в такси.

– Бьёрну ужасно не повезло, – заторопилась девочка. – Он немножко опоздал, пришел, когда она уже ушла. Я сказала ему, что Пенелопа уехала.

– И что он ответил?

– Что ничего страшного, что он просто кой-чего забыл.

– Кой-чего забыл?

Миа кивнула.

– Я часто прошу у него телефон, поиграть в игры, но в тот раз он торопился, просто зашел в квартиру и сразу вышел, запер дверь и побежал вниз по лестнице.

– Ты не видела, что он нес?

– Нет.

– А что было потом?

– Ничего не было. Без пятнадцати девять я пошла в школу.

– А после школы, вечером? Вечером что-нибудь было?

Миа пожала плечами:

– Мамы не было, я сидела дома. Съела макароны, посмотрела, что по телевизору.

– А вчера?

– Вчера ее тоже не было, и я осталась дома.

– Значит, ты не видела, кто ходил по лестнице?

– Не видела.

Комиссар достал визитную карточку, написал телефоны.

– Посмотри сюда, Миа, – сказал он. – Вот это – отличные телефонные номера. Один – мой. – Он указал пальцем на выпуклые цифры на визитке с эмблемой полиции. – А второй номер, 0200–230 230 – это Служба помощи детям. Можешь позвонить и поговорить о чем хочешь.

– Ладно, – прошептала Миа и взяла карточку.

– Не выбрасывай карточку, как только я уйду. Даже если ты не станешь звонить сейчас, потом она может тебе пригодиться.

– У Бьёрна была рука вот так, когда он уходил, – сказала Миа и прижала руку к животу.

– Как будто у него болит живот?

– Да.

26
Ладонь

Йона обошел и другие квартиры, однако выяснил только, что Пенелопа была соседкой тихой и почти застенчивой, принимала участие в ежегодной уборке и присутствовала на годовых собраниях. Закончив опрос, комиссар снова спустился на третий этаж.

Дверь в квартиру Пенелопы была открыта. Техник из Службы безопасности вырезал дверной замок и положил задвижку в бумажный пакет.

Йона вошел, остановился и стал наблюдать за криминалистами. Ему всегда нравилось следить за работой экспертов, смотреть, как они последовательно фотографируют все, что видят, фиксируют следы и заносят в протокол каждый этап. Работа на месте преступления становилась чем дальше, тем кропотливее. Ведь место преступления постепенно, участок за участком, подвергается изменениям, порядок нарушается. Очень важно сохранить его так, чтобы ни одна улика, ни один ключ к цепи событий не были потеряны.

Йона обвел взглядом чисто прибранную квартиру Пенелопы Фернандес. Что делал здесь Бьёрн Альмскуг? Он явился, как только Пенелопа вышла на улицу. Как будто прятался за дверью подъезда, дожидаясь, когда хозяйка уйдет.

Может быть, это всего лишь совпадение, но не исключено, что Бьёрн хотел избежать встречи с подружкой.

Бьёрн вбежал, увидел на лестнице девочку… он так торопился, что не поболтал с ней, сказал, что ему надо кое-что найти. В квартире оставался всего несколько минут.

Вероятно, он пришел забрать что-то, как он сказал девочке. Забыл ключи от яхты или что-то, что можно сунуть в карман.

А может быть, он, наоборот, что-то оставил. Или ему надо было что-нибудь посмотреть, проверить информацию, уточнить телефонный номер.

Йона прошел в кухню и огляделся.

– Холодильник проверили?

Молодой человек с козлиной бородкой посмотрел на него и спросил по-далекарлийски[17] тягуче:

– Есть захотели?

– В холодильнике хорошо прятать мелкие вещи, – сухо ответил комиссар.

– Мы пока не занимались кухней.

Йона вернулся в гостиную. Сага наговаривала что-то на диктофон, стоя в углу комнаты.

Томми Кофоэд приладил скотч на прозрачную пленку и взглянул вверх, на Йону.

– Нашли что-нибудь неожиданное? – спросил Йона.

– Неожиданное? Нашли. Отпечаток подошвы на стене.

– Больше ничего?

– Все важное всегда приходит из лаборатории в Линчёпинге.

– Заключение будет через неделю?

– Если мы встанем у них над душой с хлыстом. – Кофоэд пожал плечами. – А я как раз собирался осмотреть место в косяке, куда воткнулся нож, хотел сделать слепок лезвия.

– Да ну, не надо, – пробормотал комиссар.

Кофоэд решил, что это шутка, и рассмеялся, потом снова посерьезнел:

[17] Далекарлия (современное название Даларна) – гористая область в центре Швеции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.